

18+

МИХАИЛ ШЕЛКОВ

ПРОЕКТ
К Ⓜ Л Е В А Л А

КНИГА II

КЛАД СТЕПАНА РАЗИНА

Михаил Шелков

**Проект «Калевала». Книга 2.
Клад Степана Разина**

«Издательские решения»

Шелков М. С.

Проект «Калевала». Книга 2. Клад Степана Разина /
М. С. Шелков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747678-6

Игорь — простой питерский студент. Он беззаветно влюблён в Ольгу. Девушка зовёт его в экспедицию по поиску клада Степана Разина, которую затеяли её друзья из Волгограда. Игорь присоединяется к экспедиции и в итоге становится участником череды роковых событий. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-747678-6

© Шелков М. С.
© Издательские решения

Содержание

1. Сокровенная мечта	10
2. Бесово Логово	15
3. Сырые коридоры	26
4. Арий	31
5. Струги под Царицыном	37
6. Родовая легенда	52
7. Яицкий городок	59
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Проект «Калевала»

Книга 2. Клад Степана Разина

Михаил Сергеевич Шелков

*Как лежу, я, молодец, под Сарынь-горою
А ногами резвыми у Усы-реки...
Придавили груди мне крышкой гробовою,
Заковали рученьки в медные замки.
Каждой темной полночью приползают змеи,
Припадают к векам мне и сосут до дня...
А и землю-матушку я просить не смею —
Отогнать змееньшей и принять меня.
Лишь тогда, как исстари, от Москвы Престольной
До степного Яика грянет мой Ясак —
Поднимусь я, старчище, вольный иль невольный,
И пойду по водам я – матерой казак.
Две змеи заклятые к векам присосутся,
И за мной потянутся черной полосой...
По горам, над реками города займутся
И година лютая будет мне сестрой.
Пронесутся знаменья красными столпами;
По земле протянется огневая вервь;
И придут Алаписы с песыми главами,
И в полях младенчики поползут, как червь.
Задьмятся кровшо все леса и реки;
На проклятых торжищах сотворится блуд...
Мне тогда змееньши приподнимут веки...
И узнают Разина. И настанет суд.*

А. К. Толстой, «Суд»

© Михаил Сергеевич Шелков, 2016

© Александр Александрович Сахаров, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

* * *

Учитель застал своего послушника сидящим над большой картой Старого Мира. Тот внимательно водил по ней пальцем, бормоча под нос названия стран и городов.

– Повторяешь?

– Да... и мечтаю...

– О чём?

– О том, что однажды навсегда покину эту келью, перейду через чёрную пустыню и отыщу прекрасный город, и останусь в нём жить...

– Я бы тоже хотел этого... Красивых городов мне не хватает...

– Тебе не хватает, а я их не видел вообще!

– Ты выходил сегодня наружу? – Учитель перевёл разговор, – Ты хотел.

– Я передумал. Я видел сон. А в нём как раз город. Дивный и сказочный. Там были высокие дома, украшенные колоннами и барельефами, причудливые сооружения со шпильями и купо-

лами, реки и мосты, повсюду росли зелёные деревья... Это было чудесно! Так, как рассказывал ты. Я представлял себе эту картину! Учитель?..

Юноша заметил, что его наставник потерялся в грёзах и, вероятно, не слушает его.

– Учитель!

– Ах, да... Прости! Я задумался...

– О чём?

– О городе, с которого хотел начать рассказ. Так почему ты не пошёл наружу?

– Не хотел портить впечатления от сна... Что я увижу там? Свой маленький сад под утёсом и сплошную черноту за ним? Вот и решил не выходить сегодня. Зато однажды я уйду навсегда! Обязательно уйду!

– Что ж... Мои уроки подходят к концу. Скоро ты покинешь келью, если пожелаешь. Только лучше бы тебе найти спутников, если хочешь пересечь чёрную пустыню.

– А ты? Ты разве не пойдёшь со мной?

– Хотел бы... Но Грот велик. Хочу его обойти полностью и дать знания всем, кто в них нуждается.

– Мне надоел Грот! Всё одно и то же! Сплошь пещеры, тоннели и мрачные кельи! Что, по-твоему, будут делать его жители, когда закончиться воск и они останутся без свечей?

– Может быть, к тому времени станут добывать воск сами... А может быть, научатся видеть в темноте.

– Но не уйдут! Не покинут это мрачное место!

– Не уйдут... – согласился учитель, – Потому что боятся за жизнь.

– А ты боишься за жизнь? Мне кажется, ты не уходишь именно поэтому, а не потому, что хочешь дать другим свои знания!

– Сегодня ты дерзок...

– Прости, учитель, но это всё сон... Я не могу так больше! Я сидел за картой и мечтал. Пытался воскресить в своих фантазиях Старый Мир, вспоминая твои слова! Воскресить таким, каким он был... Пытался возвести города! Великие города! Разноликые и величественные... Не такие, как Грот с его кельями!..

– Хочешь правду? Хочешь знать, чего я боюсь?

– Да...

– Не смерти! Смерти боятся мне уже негоже после всего, что я пережил. А боюсь я правды...

– Не понимаю...

– Я живу мечтами и мыслями, о том, что где-то остались цветущие земли с множеством народов и поселений... Я верую в это. Но если весь мир окажется чёрной пустыней, то знать об этом я не желаю... Потому и не покидаю грот...

– Это неправда! Я чувствую это! Ты же учил меня чувствовать сердцем! Пустыня не бесконечна! Там за ней есть другая жизнь...

– Возможно... – учитель вздохнул. – Так ты готов слушать дальше?

– Да, да, я всегда готов! – ученик сразу переменялся в лице.

– Ну что ж... Ты заговорил о городе, что видел во сне. Свою прошлую историю я начал с рассказа о Бирмингеме. События же моего нового повествования начались в другом городе Старого Мира, не менее прекрасном! Назывался он Санкт-Петербург...

* * *

Блики фонарей играли яркой рябью на чёрной глади воды канала Грибоедова. Кончался ноябрь, но холода ещё не нагрянули. Первого снега ещё никто не видел, а температура не опус-

калась ниже нуля. От этого город сделался тёмн. Тьма... Не чернота, а именно тьма, вязкая, тягучая, отдающая злым волшебством, окутала Санкт-Петербург.

С ежегодным приходом снегопадов город преображался. Укрытый снежным одеялом, он становился белым, покидал колдовскую тьму и возвращался к свету. Но при этом становился холодным и суровым. Пронизывающие ветра начинали свистеть по улицам и задворкам, вдоль набережных вырастали сугробы и наледи, а воды рек и каналов до весны накрепко сковывал лёд...

Скоро, совсем скоро, морозы должны были взять город в свой плен, но пока что он и его жители чувствовали последнее дыхание тёплой осени.

Санкт-Петербург всегда воодушевлял многих людей, как из России, так и из других стран. Но гости этого города больше любили посещать его в тёплое время года: поздней весной, летом и в сентябре. Мрачную же красоту иного Санкт-Петербурга, чёрного осеннего и серого зимнего, случалось оценить не каждому. Из яркого города с золотыми куполами, сверкающими фонтанами, ухоженными изящными зданиями и миллионами улыбающихся лиц на улицах, он превращался в обитель сумерек и сырости, с грязными подворотнями, обшарпанными стенами домов и недобрыми людскими взглядами.

Однако коренные жители города и искренние ценители его красоты любили Северную Столицу и такой. Для них Санкт-Петербург всегда оставался единым и неразделимым. Он не был праздничным гуляющим городом, его суть была сокрыта гораздо глубже, а понять её было нелегко.

Игорь Тихомиров был коренным петербуржцем. В этом городе родились и его родители, а их родители в свою очередь пережили Блокаду. Игорь любил Санкт-Петербург целиком, зная все его достоинства и недостатки, умел слышать его пульс и чувствовать нерв. Он считал себя неотделимым от своего города.

Он был весёлым и творческим парнем. Но пока не мог понять, чем хочет заниматься в жизни. Ему было двадцать, и он пребывал в поиске *своего я*, однако найти это *своё я* пока не мог. Помимо учёбы в Санкт-Петербургском Политехническом Университете, он играл на гитаре, писал стихи, рисовал, занимался дизайном и оформлением, но всё это было лишь увлечениями, которые не приносили заработка. Жить за счёт своих родителей Игорю очень не хотелось, но, пока что, приходилось.

Его подруга Ольга Белова из Волгограда мало чем была на него похожа. На несколько лет старше Игоря, уже закончила университет, получив образование психолога. Она уверенно шла по жизни, работала по профессии, и для своих лет получала очень неплохие деньги. Однако Игорь прежде всего видел в ней хрупкую романтическую девушку с серо-голубыми глазами и длинными волосами до пояса. Они познакомились год назад в Петербурге, когда Ольга проходила курсы повышения квалификации. Познакомились случайно, на улице. Но разговорились, и эта случайная встреча обернулась затяжным свиданием. Игорь сразу же влюбился...

Но Волгоград находился на две тысячи километров южнее Санкт-Петербурга, и молодой человек не мог видеться с Ольгой часто. Он гостил у неё прошлым летом, а теперь она опять посетила невские берега. Посетила не только ради Игоря, что, конечно же, задевало его, а совместила поездку с профессиональной деятельностью. Неделю она находилась на сборах тренеров-психологов, а пару оставшихся дней смогла, наконец, уделить общению с Игорем.

Они гуляли по пустынной набережной и разговаривали обо всём. Игорь взахлёб рассказывал новости, произошедшие в его городе за полгода. Некоторые уже не в первый раз. Ольга больше делилась впечатлениями от прошедшего обучения, что молодому человеку было неинтересно. В этот день он хотел признаться ей в любви... Сказать заветные три слова. «А что потом?» – спрашивал себя Игорь, – «Предложу ей переехать сюда, ко мне в Питер... Она не откажется! Здесь же гораздо больше возможностей для неё... Будем снимать квартиру. Я найду постоянную работу...» Но подходящий момент для Игоря, когда он мог сделать своё

признание, так и не наступал. Юноша не решался... «А что она скажет? Как отреагирует? Любит ли она меня... Конечно, любит! Она должна ответить *да*, должна!...»

Он делал выводы на основании их общения. Несмотря на то что виделись они раз в полгода, молодые люди каждый день списывались в социальных сетях и общались по «Skype», обсуждали всё, что происходило в их жизни, делились переживаниями, секретами и постоянно поддерживали друг друга. Игорь знал, что Ольга одинока, что в её жизни сейчас нет мужчин. С последним она рассталась шесть месяцев назад до его приезда в Волгоград. Однако он не мог понять, в каком статусе Ольга оценивает его самого: смотрит ли как на мужчину или видит в нём только приятеля.

«Нет, я должен выйти из этой френдзоны! Ещё чуть-чуть... Сейчас вот я поймаю момент и точно всё выскажу!» – уверял себя Игорь весь вечер. Но вместо этого он рассказывал о музыкальной культуре своего города, неформальных выставках, мероприятиях и новостях из исторического реконструкторского клуба, в котором состоял.

– ...а весной, как лёд сойдёт, начнём строить струг на Ладожском озере! – хвастался он.

– Что такое струг? – спросила Ольга. Игорю в тот момент показалось, что из вежливости, а не из интереса.

– Судно такое. Их на Руси строили, чтобы ходить по широким рекам. Они вообще разных размеров были и по эпохам отличались. Но мы попробуем реконструировать струг из флота Степана Разина.

– О, а у меня друг в Волгограде просто фанат этих времён, только и живёт этим.

– А кто он?

– Он спортивный инструктор. А ещё в походы ходит. Уже несколько раз по разинским местам на байдарках плавал. По Дону, по Волге. Ребята знакомые тоже с ним ходили, говорят интересно.

– Я бы тоже сходил...

– Вот он и меня будущим летом зовёт. У него команда есть постоянная, но там что-то слишком неординарное намечается. Говорит, психолог нужен в его группу.

– А что он собирается делать?

– Клад искать... Я толком не поняла. Короче, какие-то спрятанные сокровища Разина. У него, у друга, вроде семейные придания остались. Ещё так переживает за это, нигде не афиширует... Тайно готовится... Странный он!

– Оль, слушай, а меня они возьмут к себе? Может быть, попросишь и за меня? Пойдём вместе, а? Это же настоящее приключение!!! А вдруг что-то найдём!

– Не знаю... Можно, конечно. Но неизвестно, что там летом будет...

– Но можно сразу же сейчас и условиться! Когда он собирается?

– Вроде в августе. В июне и в июле, говорит, очень жарко.

– Так давай сразу и запланируем на август!

– Долго же до него... Ну ладно, давай приблизительно условимся! Я, как вернусь в Волгоград, поговорю с ним!

– Здорово!

– Только что там можно найти? Я думаю, что все эти походы – просто отдых на природе.

– А вдруг, действительно, клад!?

– Ты всё ещё мечтаешь прославиться?

Игоря эти слова задели. Ольга постоянно говорила, что для того чтобы оставаться максималистом и при этом реализовывать свои планы, Игорю не помешало бы несколько тренингов. Молодой человек же не переносил психологию как науку, но чтобы не обидеть девушку отказывался тактично.

А о славе он действительно мечтал. Всё равно где, всё равно в каком направлении, в какой области. Он хотел быть первым во всём, хотя иногда отдавал себе отчёт, что пока остаётся скромным студентом без перспектив, а говоря более конкретно, неудачником.

– Мечтаю! И прославлюсь! Вот увидишь!

– Ну, я буду только рада! – улыбнулась девушка, вроде без лукавства.

– Слушай, а ведь здорово было бы прославиться вместе! Только представь: Игорь Тихомиров и Ольга Белова вписали своё имя в историю тем, что... Ммм... Ну, чем-нибудь! – юноша мечтательно улыбнулся.

– Я бы предпочла прославиться в области своей профессии. Стать лучшим методистом, например. В Волгограде. Или вообще в России... Но для этого нужно много-много работать.

– Но это же скучно, о тебе будет знать только узкий круг людей!

– Думаешь, если ты найдёшь клад Степана Разина, о тебе узнают миллионы?

– Конечно же! Ты даже не представляешь, какое это открытие может быть! Даже не общероссийского, а мирового уровня!

– Хм, ну ладно, поверю тебе! Даже, может быть, заинтересовал меня этим походом... Почитаю на досуге про Разина.

Пара медленно двигалась к Невскому проспекту. Город окутала полночь...

Игорь так и не смог сделать признание, не решился. А после он подумал, что обязательно сделает его во время похода. «Там будет подходящая обстановка, там будет доля опасности, – он надеялся на это, – А я совершу нечто такое, чем покорю её окончательно! Я буду вести себя как настоящий мужчина! Она поймёт это... Поймёт, что я уже далеко не мальчик!».

Проводив Ольгу в её гостиницу, Игорь направился к себе домой. Пешком. Метро уже не работало. Проходя по безлюдной Садовой улице, он на несколько секунд остановился и посмотрел на своё отражение в витрине: длинные светлые волосы, постриженные на макушке и бокам, серьга в ухе, старая помятая косуха... Игорь был типичным неформалом. Он знал, что Ольге больше нравятся мужчины с классической внешностью, но не хотел отказываться от своих принципов. «Она поймёт, поймёт!.. И примет меня такого, какой я есть!» – проговорил он под нос и отошёл от витрины, над которой уже пестрела новогодняя реклама: «С новым две тысячи пятнадцатым годом!»

1. Сокровенная мечта

Майор Федеральной Службы Безопасности Денис Смирнов курил на балконе своей квартиры. Вечерело. На улице было тепло и пыльно. Воздух, пропитанный духотой и пылью цветущих деревьев, буквально раздирал ноздри. Весь май получился сухим, дожди случались только мелкие. Ни одной грозы над Москвой в этом году ещё не было. «Вот и весна закончилась...» – думал мужчина, – «Завтра лето... Время идёт. Так и жизнь проносится мимо... А что я в своей жизни сделал?..»

А в жизни его всё было очень ровно и гладко. С рождения он был здоров и физически крепок. Семья его проживала в благополучном районе Москвы, всегда пребывая в достатке. Отец и мать уделяли ему много внимания, ни в чём не отказывали. После школы, которую закончил с красным дипломом, Денис не стал сразу же поступать в институт, а отправился на службу в армию. Там отслужил два года в президентском полку, одном из самых элитных подразделений российских вооружённых сил. Родители не перечили его желанию, напротив, гордились своим сыном. Через несколько месяцев после возвращения Дениса из армии, произошла главная и, возможно, единственная трагедия в его жизни. Отец погиб в результате несчастного случая. Мать после этого замкнулась в себе, Денис стал общаться с ней гораздо меньше. Так уж получилось... К тому времени он поступил в Академию ФСБ на контрразведывательный факультет по специальности правовое обеспечение национальной безопасности. Это учебное заведение он тоже окончил с отличием, а после получил должность в главном аппарате на Лубянке.

Сейчас ему было тридцать три года, а он уже носил звание майора. Несмотря на физическую крепость и прекрасное здоровье, его работа никогда не была связана с риском. Большую часть времени он проводил в своём кабинете, продолжая службу при департаменте экономической безопасности. Что его больше всего смущало, так это крайне радушное расположение к себе руководителя департамента генерал-лейтенанта Николая Сергеевича Климова. Тот всегда тепло принимал его; сначала обращался только по служебным делам, но после перешёл на неформальное общение. Делился новостями из своей жизни, приглашал Дениса на различные мероприятия в городе, как общественные, так и закрытые, даже несколько раз бывал у него дома, став другом семьи. Денис к тому времени уже был восемь лет как женат, имел семилетнего сына.

Он сторонился панибратских отношений с генералом. Ему было неловко, когда тот приглашал его посмотреть футбольный матч и выпить пива или звал провести выходные на рыбалке. Но как-то Климов объяснил свою привязанность. Денис напоминал ему собственного сына, погибшего в Чечне во время второй кампании. Денис же, потерявший отца в двадцатилетнем возрасте, со временем также проникся симпатией к пожилому генералу.

Но ни собственное высокое положение на службе, ни дружба с руководителем департамента, не могли решить одной проблемы, которая со временем стала угнетать Дениса. Он был невыездным офицером, имевшим доступ к секретной информации. Для зрелого человека, остро вставал вопрос полноценного отдыха вместе с семьёй. Он имел право на бесплатный отдых в любых санаториях ФСБ в России и уже объездил почти всю страну. Вместе с женой и сыном он побывал в низовьях Волги, на Чёрном море, посетил Саяны и Байкал и даже добрался до Камчатки. Но ему шёл четвёртый десяток лет, а прочие страны он видел только на фотографиях. Денис не задумывался об этом, когда поступал в Академию, но сейчас это стало одним из самых главных камней преткновения... Наводило на мысли оставить свою службу.

Его жена Ирина, которой в скором времени должно было исполниться тридцать, тоже ни разу не была за границей. Пребывая в достатке и спокойствии, они всё равно не были полностью

счастливы. Так считал Денис. Он не мог позволить себе и своей семье посетить даже скромную экзотическую страну, погулять по какому-нибудь европейскому городу... Этот запрет так и довлел над семьёй Смирновых.

И вот, стоя на балконе и провожая уходящую весну, Денис опять размышлял о будущем. «Мой контракт истекает через два года... Наверное, всё-таки не буду его продлевать... Оставлю службу! Да, оставлю! Чем заняться – найду! Много всего можно делать... В бизнес уйти, например. Николай Сергеевич поймёт. И поддержит!» Денис затушил окурок сигареты об пепельницу и ещё раз оглядел московский двор, окутанный сумерками. Его спальный район на севере города был тихим и уютным. Ухоженные дома новой постройки, мирные жители, сплошь благополучные семьи, – всё это радовало мужчину, но ему хотелось чего-то ещё. Внести в жизнь своей семьи определённое разнообразие, добавить ярких красок в стабильность и размеренность.

Свежая майская зелень тихо зашелестела, потревоженная лёгким ветерком...

Денис закрыл балкон и пошёл в спальню поговорить с женой. В их семье вообще не было скандалов и ссор. Ирина никогда не упрекала мужа, всегда поддерживала. Но он замечал тоску в её глазах. Понимал, что её спокойствие и согласие во всём часто бывают наигранными.

Супруга лежала на большой просторной кровати в домашнем халате и листала какой-то журнал. Денис сел рядом.

– Как дела? Ты грустный... – жена отвлеклась от чтения и поглядела на мужа.

– Да... Как обычно. Думаю, уходить мне нужно из ФСБ.

– Ты последнее время часто об этом говоришь...

– Да, и хочу твоё мнение услышать, – сказал он жене, а про себя добавил: «Хотя, что его слушать, и так понятно».

– Ну, ты же знаешь... Как ты решишь...

– ...Ир, хватит уже! Скажи откровенно, как ты относишься к моей службе. «Ты же её ненавидишь! Да?»

– Я же знала, что выхожу замуж на офицера ФСБ.

«Но не знала, что жизнь с ним будет такой скучной!»

– Всё-таки, ты не ответила на вопрос.

– Денис! Я хорошо отношусь к твоей службе! У нас есть всё! Дом, семья, ребёнок, уют!

– А ты счастлива? «Хотя, наверное, сейчас опять соврётся...»

– Конечно же, я счастлива! Как может быть иначе! Я же люблю тебя! – она обняла мужа и поцеловала.

– Счастлива в клетке! – со вздохом сказал Денис и тоже обнял жену в ответ.

– Опять страдаешь о того, что невыездной...

– А ты, как будто, нет! «И не обманывай меня! Ведь страдаешь! Это видно по тебе!»

– Я уже сказала, я люблю тебя; это главное! А посмотреть на мир мы всегда успеем!

– Вот только когда это *всегда* наступит...

– Слушай, но ведь это – не рабство, ты же можешь уйти...

– Это – не рабство, это – служба! Мой контракт рассчитан ещё на два года!

– Ты ведь думал об этом, когда подписывал его.

– Плохо думал...

– Но можно же написать рапорт. Попросить Николая Сергеевича помочь, в конце концов!

– Лена, я давал присягу!

– А раз давал, тогда почему сейчас так мучаешься?

– Потому что устал, потому что запутался и хочу от тебя услышать то, о чём ты реально думаешь! Хочу, чтобы ты, моя жена, тоже озвучила своё мнение! – Денис завёлся.

– Да тише ты, не кричи, Никитку разбудишь! – суровым шёпотом остудила супруга. – Я уже всё сказала!

– Сказала... Сказала... – проговорил под нос Денис, повторив слова жены. Ему очень хотелось, чтобы она была с ним откровенной. А ещё чтобы хотя бы немного понимала его душевные метания. Он размышлял о своём долге, об ответственности перед своей страной, обо всех причинах побудивших его поступить в академию ФСБ. «Но она же женщина, она не поймёт. Дом и семья, вот о чём она думает. Мир, покой... Но этот мир и покой кто-то должен охранять! И сейчас его охраняю я! И чем-то жертвую... Население страны, вот, тоже не понимает, что мы стараемся ради них же... Не понимает, что нам многим приходится жертвовать. Мы не имеем той свободы, которую имеют многие... но всё равно ФСБ остаётся виноватой в глазах населения, дескать, мы устраиваем тотальный контроль, пользуемся всеми благами, а об остальных людях даже не думаем... Дураки! А я, я ведь ещё многого могу добиться! Вот Николай Сергеевич прочит мне подполковника уже в этом году! А я уходить собираюсь! Но уходить ли?.. Да ведь я ещё до сорока могу стать генералом!.. Но сам вот колеблюсь и хочу всё это бросить ради того, чтобы на мир посмотреть... Чёрт! Как всё сложно... Ну, почему жена меня не понимает! Почему?»

Денис поднялся с кровати, подошёл к шкафу и вынул свой портфель. Открыл его и вытащил *подарок*, заготовленный для жены. Путёвки на летний отдых.

– Вот, – протянул он ей, – получил сегодня.

– А, то сорвался куда-то из дома в выходной день! За путёвками, значит... – она улыбнулась и оглядела бумаги, – И куда поедем?

– Ну, почитай.

Ирина забежала глазами по тексту:

– Так, с первого августа две тысячи пятнадцатого года... Ага, через два месяца. Волгоградская область... Сера... Серафи...

– Серафимовичевский район.

– Санаторий, «Донское подворье». Ну, хорошо... мы на Дону ещё не были.

– Только не говори сейчас, что рада!

– Да, ты прав, не очень, – разочарование на лице жены было явным, – Хотелось бы всё-таки на море.

– На море не было...

– Не было? – Ирина удивилась, – Это как?

– Не успел, наверное...

– Ты же майор!

– И что теперь! Говорю же, не было!

– А Николай Сергеевич?

– Слушай! Хватит уже про него! Ты знаешь, я не люблю пробивать что-то по блату!

– Да-да, помню... – жена Дениса отвела взгляд в сторону.

– Вот сейчас ты подтверждаешь, что мне всё-таки нужно уходить... А ещё несколько минут назад говорила, что главное – это семья, что мы любим друга, что мы вместе...

– Да, я говорила это, потому что ты переживаешь из-за границы. А я думаю, что это не главное. Есть много мест, где мы можем хорошо отдохнуть всех семьёй... Просто Дон... Это как-то совсем скучно! Что мы будем делать там три недели?

– Купаться, загорать, экскурсии по казачьим станицам.

– Пусть будет так, только, пожалуйста, в следующий раз, выбери какое-нибудь необычное место!

– Хорошо...

Денис вышел из комнаты и опять отправился на балкон. Неприятный разговор кончился, и ему захотелось выкурить ещё одну сигарету. Он ждал подобной реакции жены, поэтому специально начал разговор издалека, с рассуждений о своём невыездом статусе. Статус этот,

конечно же, волновал его. Но всё же он как-то хотел, изначально сгладить впечатление Ирины от не самого удачного выбора места отдыха.

Он обманул жену. Вообще он никогда не врал, говорил только правду родным, близким, коллегам, сослуживцам, командованию. Однако имел одну тайну, заветную, которую скрывал от всех.

Это случилось около пяти лет назад. Когда он пришёл в старое здание КГБ, ставшее, большей частью, хранилищем архивов. Лишь пятая доля сотрудников московского управления ФСБ работала в нём, остальные, как и Денис, несли службу в новом корпусе. В тот день Денису нужно было просто забрать из хранилища какую-то папку с документами. И он заблудился в огромном здании, где оказался только третий или четвёртый раз в жизни. Так же случайно, в поисках выхода, он попал на этаж, где проводился плановый ремонт. Старые страшные коридоры Лубянки, ставшие притчей во языцех, облагораживались под современность.

Денис до сих пор помнил каждую мельчайшую деталь того визита. Помнил, как шёл по коридору, где рабочие обдирали со стен краску и деревянные панели. Помнил, как искал выход, но не мог найти. Помнил, как вдруг увидел голый кирпичный блок, вдоль которого прошла довольно глубокая трещина. Помнил, как на секунду остановил взгляд на этой щели и разглядел, что внутри что-то есть. «Что там?» – задался он вопросом; оглянулся на рабочих – те были заняты своим делом... Он подошёл ближе, присмотрел к щели и чётко различил в ней старый, пожелтевший конверт... Каждое неуклюжее движение пальцев, когда он пытался достать этот конверт, также запомнилось ему. Пальцы его, довольно широкие, не могли пролезть внутрь. Но в какой-то момент поддеть конверт удалось. Денис сразу же спрятал его под полый пиджака, опять оглянулся на рабочих. Те, как ни в чём не бывало, продолжали скоблить стены... Денис спросил, как ему найти выход с этажа, и направился в ту сторону, куда ему указали.

Он вскрыл конверт и прочитал содержимое послания, хранившегося в нём, уже в своём кабинете. Прочитал и спрятал. А позже аккуратно переписал текст и сжёг оригинал. Записка была датирована тысяча девятьсот двадцать шестым годом, и, как предполагал Денис, автором её был сам Дзержинский. По крайней мере, в подписи стояли заглавные буквы *Ф. Э. Д.*

Послание копировало царский указ, в нём царь Алексей Михайлович писал донскому казачьему атаману о некоем кладе Степана Разина. С обратной стороны листа была приписка, вероятно, повествовавшая о событиях эпохи Дзержинского, но её смысла Денис так и не смог понять.

Сейчас, стоя на балконе, окутанный московскими сумерками и блеклым светом лампы, Денис вновь держал перед собой заветную копию... Он никогда с ней не расставался, всё время она была при нём, лежала в его портфеле. Он не рисковал оставлять её на работе в своём кабинете даже в сейфе... «А вдруг!.. Мало ли, что...»

Денис пробежался взглядом по первому тексту:

«От царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси в Черкасск атаману донскому нашему, Корниле Яковлевичу Яковлеву. Ведомо нам учинилось от Фролки Разина, что брат окаянного Стеньки Разина, что Стенька сокровища да добро награбленное схоронил в тайном месте своём, и что дойти туда ни пешему, ни конному не можно, но от станицы Букановской, что на реке Растеряевке, что от Хопра и гоже от Дона путь берёт, пройти две версты на лодках по воде надобно, а у Бесова Камня выйти, и по левому берегу Бесово Логово отыщется. На том добро Стеньки отыскать надобно и вернуть на московский двор. А коли ты по сему нашему указу делать не станешь, и тебе быть от нас в великой опале. Писан на Москве, лета семь тысяч сто восемьдесят пятого года января в тридцатый день».

А ниже второй текст:

«Они опять спрашивают про источник! Десять тысяч мало! И ещё этот шлем... Сталин или Троцкий? Не могу понять до сих пор. СКР-сорок пять-шестнадцать-семьдесят шесть отправлен на полигон Арктика-двадцать три и уничтожен! Ф.Э.Д.»

Если последний абзац был Денису не понятен, то первый он изучил подробно. Дата, стоявшая на царском указе, соответствовала дате смерти Алексея Михайловича по стандартному летоисчислению. Денис предположил, что это был последний указ царя, возможно не приведённый в исполнение. Связь с Дзержинским тоже можно было логически обосновать: часть царских архивов с документами вполне могла перейти к НКВД после революции. Но почему Дзержинский отдельно переписал этот текст и спрятал его в столь необычном месте, в проёме стены общественного коридора, Денису было непонятно.

Он ни с кем не поделился своей находкой, хотя должен был сразу же рапортовать об этом начальству. Денис не мог объяснить даже себе, почему поступил так, но что-то внутри оставалось, говорило, что лучше сохранить подобное послание в тайне, и никому о нём не рассказывать. Когда он же тесно сблизился с Климовым, человеком, которому он мог довериться, он постеснялся говорить о находке. Прошло уже много времени с момента её обнаружения. И тот факт, что Денис не рапортовал об этом событии, безусловно, очернил бы его репутацию офицера ФСБ.

Денис попытался найти ответы на загадки послания, однако вместо этого только больше запутался. Пользуясь картотекой ФСБ, он нашёл информацию о засекреченном военном полигоне *«Арктика-двадцать три»*, более того выяснил, что летом двадцать шестого года, на него действительно был доставлен объект, *СКР-сорок пять-шестнадцать-семьдесят шесть*, уничтоженный при испытании бомбы. На этом найденная информация заканчивалась. Настораживала Дениса дата этого события, ведь Дзержинский умер тоже летом двадцать шестого года. «Неужели и тут: последнее распоряжение? Не слишком ли много совпадений?»

А ещё Денис отыскал информацию о *Чёртовом Логове* в Волгоградской области. Пусть не *Бесово*, а *Чёртово*, пусть находилось оно не на Хопре, а в пойме Медведицы, но вновь пугали совпадения, а больше них история этого места. По данным, которые Денис отыскал в интернете, *Чёртово Логово*, было аномальным местом, где были зафиксированы случаи самовозгорания людей и почвы... Денис обратился за официальной информацией в архивы ФСБ, но они оказались засекречены! Даже он, со своим званием майора, не имел к ним доступа... Масштаб тайны увеличивался...

Денис, конечно же, давно нашёл на карте и станицу Букановскую, и реку Растерявку, недалеко от того места, где Хопёр впадает в Дон. Много лет он мечтал сам посетить это место и, быть может, отыскать клад Разина, о котором писал царь, хотя сам не особо верил в то, что тайник действительно существует. «А если бы существовал, наверняка его уже давно нашли!»

Но Денису хотелось какого-то неординарного события в его размеренной и до ужаса правильной жизни. А посещение Бесова Логова, хотя бы просто посещение, не обязательно нахождение клада или ответов на загадки истории, могло бы как раз-таки стать таковым событием.

Денис до сих пор не знал, говорить ли об этом жене или нет. Пока не решался. Он не был до конца уверен, что она сохранит это в тайне, всё таки женщина...

При своём звании и своём положении он легко мог получить отдых в любом подведомственном курорте в России, в том числе на море. Но Денис, наконец-то, решил осуществить свою мечту, выбрав поездку на Дон. Как объяснить это супруге он не знал, потому и опасался состоявшегося разговора. Но в итоге этот разговор прошёл довольно гладко...

Денис вложил бумагу в папку, чтобы потом снова убрать в портфель. «Всё! Вот и исполнится моя заветная мечта! А после отпуска уже решу точно: уходить мне со службы или оставаться!»

Москву накрыла ночь. Наступило календарное лето. Тишина нарушилась усилившимися порывами ветра, которые нагнали густые тучи. Разразилась первая гроза!

2. Бесово Логово

Две большие плоскодонные лодки скользили по мутной воде реки Растеряевки. Удолье¹ сплошь заросло тонкими деревьями, кустарником и осокой. Лодки то и дело застревали в камышах, приходилось отталкиваться длинными шестами. В этих зарослях они были нужнее вёсел.

– Ить ты! Неужто, берегом не пробаться? – сквозь зубы процедил Фрол, цепляясь рукой за водный куст и отталкиваясь от него.

– Твердят жо тебе! Не можно берегом! Нема тамо ходу! – мрачно отозвался Ермил-кузнец.

– А тебе пощо ведомо? Сам гутарил, що не бывал тутова!

– Сяк батя мени баял, и дед баял.

– Брехня... Ход, он везде найдётся, – настаивал Фрол.

– Чем слабже воля, тем пуще доля! – усмехнулся с другой лодки дед Петро, – Не кручиньтесь казачки! Бог не без милости, казак не без щастья!

Филька, сидевший рядом с ним, почти никогда не молчал и распевал песни то громко и с задором, то себе поднос. Сейчас, под плеск талой воды, он затянул:

Ой ты, батюшка славный Тихий Дон,

Ты, кормилец наш, Дон Иванович!

– Гыть! Да, щоб тебе! – Фрол не унимался и был рассержен, – Токмо песен нам и не хватало!

Филька не обратил внимания и продолжал:

Про тебе лежит слава добрая,

Слава добрая, речь хорошая.

– Да, нехай поёт! – заступился Авдей Кривой, правивший рядом с певцом, – А то квак одних единых да гнуса и слушаем!

Ой, бывало, ты усё быстер бежишь,

Ты быстер бежишь, усё чистехонек;

– Ай, шта в курятне раскудахтались ей-богу... – проворчал Иван Молчун – это было первое, что он сказал за день, – Уж дюже правили бы...

– Во, Филька-то! Даж Ивана загутарить заставил! Певец! – засмеялся Авдей.

А теперь ты, кормилец, все мутен течешь

Помутился ты, Дон, сверху донизу!

– И сяк тошно, а тутова исчо ты воешь! – не унимался Фрол.

– Ай, ну вас! – махнул рукой Филька, – Я – рылешник, я без песен не могу!

Филька бежал на Дон с верхней Волги. Говорили, что был из раскольников. Очень ему нравились песни донских казаков. Филька слушал их как упоённый, а потом перепевал. Сначала неумело, а потом всё складней, мелодичней. Типичный русский говор Фильки очень быстро ушёл, и он стал не только петь, но и разговаривать, как донской казак, хоть и жил среди, голытьбы, где беглых с царской Руси было больше, чем донцов. Фильке уже минуло два десятка лет, а подбородок его всё оставался гол, даже усы не росли. А курчавая светло-русая голова и голубые глаза подчёркивали, что среди казаков Филька – пришлый.

– Рылешник? Рыло ты свинячье! – озлобленно кинул Фрол.

– Балалаечка без струн, балалаечник – дристан! – передразнил дед Петро. Как Филька не мог жить без песен, так и он не мог жить без поговорок. Вернее говорил только ими. Знакомые казаки его называли, Петро-Баюн, или просто дед Баюн. Всегда весёлый, дед улыбался ртом, наполовину лишённым зубов, а многочисленные морщины его в момент улыбки словно исчезали. Длинные седые волосы были свиты в пучок, а на макушке блестела лысина.

Степан Разин сидел в лодке со своим братом Фролом, кузнецом и Василием Усом.

- Вот те и спутнички поднабрались... – покачал он головой и взглянул на Василия.
– Сяк що ты хотел от голытьбы, Степан Тимофеич! – развёл руками Ус.

Голытьбой именовались голутвенные казаки, бедные и неимущие. Минуло десятки лет, но Русское царство всё ещё переживало последствия Смутного Времени, периода, когда государство осталось без единого правителя, а за трон боролись как родовитые дворяне, так и самозванцы. Страдал от этого, как всегда и бывало, только народ. Тысячи деревень остались разорёнными и лишёнными урожая, который доставался то русским боярам, то польским захватчикам. После восшествия на престол нового царя Михаила, положение крестьян не улучшилось. Напротив, с каждым годом они всё более походили на рабов своих помещиков. Они уже не могли поменять своего хозяина. Алексей Михайлович, наследник Михаила шесть лет назад ввёл окончательную кабалу, огласив Соборное уложение, что навсегда прикрепило подневольных людей к земле. Отныне каждый беглый крестьянин объявлялся в сыск на вечный срок.

Степан Тимофеевич Разин, потомственный донской казак, хорошо знал историю. Что-то слышал от отца, что-то от старшего брата, а потом сам много путешествовал по Руси. Ездил с казачьими станицами² в Москву, в Воронеж, в Царицын, в Астрахань, даже провожал старцев на богомолье в Соловецкий монастырь. И посмотрелся Разин на мытарства простого народа порядком...

Донские казачьи земли, нетронутые внутренними войнами, переживали спокойствие и процветание. Казаки не были отдельным независимым народом, но и крепостное право на них не распространялось. Они выставляли боеспособные войска для охраны границ русских земель, за что получали из государственной казны золото и зерно. Казаки не платили оброка, и не заступали на службу к царю против своей воли. Традиционными врагами казаков, на которых и снаряжались походы, становились турки, крымчаки, ногаи и персы. В последнее время Москва всё чаще диктовала Дону на кого можно выступить в поход, а на кого нельзя, в зависимости от политической ситуации. С кем-то Русь находилась в состоянии войны, с кем-то в состоянии мира и торговых отношений. Казаки потихоньку начинали роптать, что Москва им навязывает свою волю...

Каждой станицей управлял казачий круг, состоявший из старейшин, который выбирал атамана на год. Атаман имел безграничную власть только при наступлении войны. Центр Донского казачества находился в городе Черкасске, где собирался большой Круг от атаманов всех станиц и старейшин, самых уважаемых казаков, выбиравший верховного атамана. Верховный Атаман уже обладал властью не только в военное, но и в мирное время. В том числе именно он вёл диалог с московским царём от лица всего донского казачества.

Пастбища и лошади любой станицы принадлежали всему обществу. Лишь некоторые, самые зажиточные казаки имели небольшие конюшни во дворах своих куреней. Земледелием казаки не любили заниматься, считая это уделом подневольных народов. Однако многие уже начинали засеивать свои поля.

С приходом Смуты, бесконечных войн, новых законов и притеснений множество крестьян пыталось бежать от своих угнетателей, чтобы укрыться в Донских землях. «С Дона – выдачи нет!» – гласило священное правило казаков. Царский указ не распространялся на их народ.

Только беглецы с северных и восточных земель добирались до казачьих поселений голодные и в оборванных лохмотьях, ничего при себе не имея. У них не было средств даже на то, чтобы отстроить себе дома. И им ничего не оставалось делать, как наниматься на работу к более зажиточным казакам, которые ещё больше могли обогатиться за их счёт. Таких казаков стали называть домовитыми, они имели богатые хутора, крепкое хозяйство, были хорошо обеспечены. Бедняки же именовались голутвенными, практически ничего не имели и едва сводили концы с концами. Иногда доходило до того, что голытьба собиралась в поход, а несколько

домовитых казаков обеспечивали их оружием и припасами, вроде как этот поход оплачивали. Но вернувшиеся из похода голутвенные казаки должны были делиться с ними частью награбленного. Для домовитых такие предприятия были рискованными, ведь любой поход мог пройти неудачно. Однако и за свои жизни можно было не волноваться.

Разина подобный подход домовитых раздражал. «Що на скачках играетесь! Придётся конь первой аль не придёт, вот и будет вам достаток аль не будет!» – говорил он. Сам он войны любил. Не только сопровождал он станицы по Руси, но ещё и ходил в походы на калмыков, крымчаков и турок. Два последних раза в качестве атамана. Был физически крепок и рассудителен. С чёрными, как смоль, волосами, густыми сросшимися бровями и жёсткой бородой, он всегда смотрелся грозно и сурово. Хотя находил Разин время и покуролесить.

Гольтыбу он жалел, сочувствовал ей, но знал о её трусости и ненадёжности. В них всё ещё текла кровь крепостных крестьян, не казаков!

– Що, нема веры в них? – поинтересовался шёпотом Василий.

– Откель же ей взятсья-то? – Разин покосился на лодку с Филькой, Авдеем, Иваном и дедом Петро. Авдей, сейчас весь всклокоченный, изъеденный шрамами, – беглый разбойник. Он грабил со своей шайкой и бояр, и крестьян. Воевода Курский пресёк разбой, всех товарищей Авдея прилюдно казнили, однако он спасся. Иван – типичный мужик. Здоровый, в плечах точно былинный богатырь. Но простак, разумом – дуб дубом. Зато чистый сердцем, самоотверженный. Он до смерти забил оглоблей своего помещика после того, как тот силой взял его невесту. Филька воровал из барских погребов запасы, после чего его высекли чуть ли не до смерти. Едва оклемавшись, будущий певец тайно покинул боярский двор. Дед Петро вообще умудрился спалить пол деревни, неумело затопив баню. Так все четверо стали беглецами.

– Не боись, Степан Тимофеич, не боись! Ручаюсь за них!

– Ха! А кто жо мени за тебе поручитси?

Василия Уса на Дону ране никто не знал. О его роде тоже не слыхивали. Молва пошла о нём год назад, когда Ус с гольтыбой около трёхсот человек отправился на Москву. «Да, на царску службу заступить хотели!» – уверял он после атаманов. Но к казацкой ораве стали примыкать беглые крестьяне. Под Воронежем в его отряде было уже больше восьмиста людей, под Тулой – до полутора тысяч.

Ус регулярно получал от гонцов из Москвы грамоты с требованием повернуть на Дон. Толпа из отребья всё множилась и теряла контроль. Царь и бояре явно волновались. У Тулы Василий со своими людьми был окружён царскими войсками, и голутвенная казацья *армия* была вынуждена разбежаться. Кто-то достиг вольных земель, кто-то был пойман и предан суду.

Сам Василий был схвачен в Черкасске, верховный атаман Корнила Яковлев уже получил грамоту от царя с приказом наказать Уса за неподчинение. Казачий Круг предал того показательной порке, но царским людям не сдал.

Мотивы и цели *похода* Василия Уса к Москве, остались неясными для донских казаков. Для Степана Разина в том числе.

– И мени, поди, нема веры! – лукаво спросил Ус.

– И тебе, – согласился Степан.

– С чаго ж тады повёл нас сюда?

– А Ермилу вот верю!

Пожилой, но статный Ермил, как заметил Разин, будто приободрился после этих слов. Расправил плечи, чуть улыбнулся. Ермил так и пылал здоровьем, силой. Даже под широкими рукавами рубахи угадывались жилистые мышцы. Длинная борода, уже украшенная сединой, была заплетена в несколько кос, что добавляло кузнецу степенности.

– Сяк кто жо тебе с Ермилом-то свёл?

– Да, дело он бает, Степан Тимофеич! – вмешался Ермил, – Я ему, поди, животом обязан!

– Гарно ужо! – махнул рукой Разин, – Ежели вышли, то не назад повертать!

– Брате, да акий тамо! – опять подал голос Фрол, – По урёме ентоу век продираться будем! Щоб не вернуться?

– А ты що заныл?! – злобно гаркнул Разин на младшего брата, – Куды вернёмси? Корнилку-крёстного в зад целовать? Не по нраву дорога, дык сидел бы в курене мамке титьку сосал! Али плевать хотел на Ивана?

Род Разиных был на хорошем счету. И отец, и дед Степана были зажиточными казаками и завсегдатаями походов, а сам он стал крестником атамана Яковлева. Из всех походов, в которых сам Разин принимал участие, он возвращался с богатой добычей, приумножая семейное состояние. Крепкому, сильному и рассудительному Степану прочили с годами стать Верховным атаманом. Мол, недаром же крестник Яковлева.

Всё изменилось несколько месяцев назад. Старший брат Разина Иван командовал казачьим отрядом, сражавшимся на западных границах Руси против поляков. После пяти лет службы, когда наступило временное перемирие, а люди ждали прихода зимы, он потребовал у своего командира князя Юрия Долгорукова возвращения домой для себя и своих людей. Казаки хотели вернуться к мирной жизни и начинали роптать на затянувшейся войне. Традиционно зимовали казаки дома. Долгоруков разрешения не дал, и тогда Иван, следуя донским законам, попытался увести своих людей самостоятельно. Князь же приказал схватить Разина-старшего как дезертира и казнил его.

Для всего семейства Разиных это стало явным оскорблением со стороны царских властей. Степан, его мать, брат Фрол и двое дядей искали правды у атамана Яковлева, но тот лишь разводил руками, не в силах что-либо предпринять. Степан же видел, что атаман который раз просто закрывает глаза на беззаконие, потому что состоит в тёплых отношениях с царским двором, получая оттуда богатые подачки. Однако большинство казачьих семей и в Черкасске, и за его пределами поддерживали Разиных, видя в поступке Долгорукова прямую угрозу их строю, укладам и традициям донского казачества.

Однако это были лишь слова, вздохи, пустые негодования. Оставлять насиженные места домовитые казаки не собирались, как и открыто выступить против царской власти. Зато на Дон после неудачного похода голытьбы прибыл Василий Ус, который предложил Разину дерзкий план.

– Во-во, – начал Василий, – Ты, Фрол, слухай, что брат баёт! Я опосля корнилкиных розг неделю сидать не мог!

– Не окстили бы Корнилку, сел бы задом своим на кол в Москве, – усмехнулся Разин.

– А ведь енто ты, Степан Тимофеич, вступилси за мени, окаянного? – пытливо поинтересовался Ус.

– Не за тебе, но за усё казачество!

– Вот енто верно! – подхватил Ермил, – А то, поди, атаман наш выбранный ни коих законов не читит!

У Ермила также были причины ненавидеть верховного атамана и старейшин вокруг него. Двух зрелых дочек Ермила украли братья из соседней станицы Демид и Павел и увезли в Москву, где встали на царскую службу. Ермил требовал атамана послать царю прошение на поиск беглецов, а тот не предпринял никаких мер. Многие же опять поговаривали, что если Яковлев отошлёт подобное послание, то царский двор ему напомним обо всех беглых холопах, что укрылись в Донских землях. Но Ермил не был простым кузнецом. Хоть род его за века ничем особо не прославился и в походах участвовал мало, из поколения в поколение в роду передавался секрет о тайнике из далёких времён, где был спрятан великий дар от предков, живших на донских землях сотни лет назад. О том, что Ермил владеет этой тайной, как-то прознал Ус. Он-то и свёл Разина с Ермилом.

– Да, брешешь небось! – первый раз сказал Разин кузнецу.

- Вот те клятва моя, Степан Тимофеич! Всё аки мени батяня покойный баял!
- И що жо тамо схоронено?
- Шолом боевой, Сварога, отца небесного нашего!
- Старовер³, значить?
- Аки и предки усе мои!
- И що тот шолом даст мени?
- Мудрость обретёшь под стать отцу нашему, Сварогу!
- Дык, я и не дурень, поди!
- Не то, Степан Тимофеич!.. Ведать неведомое отсель станешь!
- Сяк... А сам тады чагой не в шоломе? Пощо сам ране тайник не выискивал? Пощо отцы и деды твои не выискивали?
- На то завет был дан нам! Що негоже роду нашему шоломом владеть! Но аки народится в землях наших вой, душой и телом крепок, да за правду стоящий во усём, вот ему и указать, где дар схоронен!
- Сяк енто я, посчитай, за правду?
- На то молва про тебе, Степан Тимофеич, ходить! Корнилу-злодея люд простой клянёт, а за тебе встанет!
- Енто аки значить встанет?
- А тут свой план изложил Ус, доселе участие в разговоре не принимавший:
- Ты послухай, шо баять буду, Степан Тимофеич. Неправды много в городах и весях чинитси, вот голытьба и тикает на Дон. Царь-то, он долго терпеть не станет, и конец усей вольнице положит в кой-то раз.
- Не бывать тому, спокон веков Дон вольным был.
- Що ж тады атаман беззаконье творить начал? Все устои казачьи попирает!
- Неровен час, казаки его сбросють, да правого выберут.
- А выберут ли? Вон кой год за Корнилку горлят! И добре усем жить. Старшины, поди, шо бояре стали, усе в сласти да почёте!
- И шо жо ты таперича мени нашептать хошь? – насторожился Разин.
- Подними казачков голутвенных, погуляй за зипунами⁴! Токмо сам... Без корнилкиного спросу...
- Царь на турку и перса не велел ходить... – ответил Степан, но уже стал понимать, куда клонит Ус.
- Сяк он жо Корнилке не велел... А пощо тебе царь да Корнилка? Ты казак вольный! И сам погуляешь и голытьбу потешишь! А коль вернёсси с почётом да подарками, сяк и домовитые за тебя прогорлят, аки на добро глянут! Оно мож, царь тебе вором и объявит, коли мир порушишь... Да токмо чагой тебе трухать, покудова ты на Донской земле бушь? А Корнилка тебе тронуть не посмеет. С Дона – выдачи нема!
- Лукав ты, Василий! А шо ж тебе с ентого будеть?
- А я, мож, тож погулять хочу!
- Ты погулять токмо хошь, а Ермил вот про отца небесного гутарит!
- Я за правду гутарю, Степан Тимофеич, – вмешался Ермил, – За зипунами сходишь, атаманом станешь, вот и беззаконью конец положишь!

После этих слов Разин задумался. Народ в его родной станице Зимовейской уже два раза кричал за него, выбирая атаманом при походах на Крымскую орду и турок. Да и молва о том, что его в Верховные атаманы прочат, тоже долетала до куреня Разиных. Но после смерти старшего брата он оказался в безвыходном положении. Если бы он не осудил Яковлева за его бездействие, то потерял бы свой авторитет в глазах народа. Толки бы о нём могли пойти совершенно иные, мол, Степан переступил через родную кровь. Да и сам Разин, хоть и мало знал брата ввиду постоянных войн и разлук, горел жадной справедливости и отмщения. Но, пуб-

лично обличив верховного атамана, он отдалил себя от круга старейшин и теперь стал в Черкаске нежеланным гостем.

Тогда он сам стал впервые задумываться о вольном походе за зипунами. Последнее время решения о походах принимал только верховный Круг вместе с Яковлевым. Русское царство вело войны с турками и татарами на протяжении многих веков. Но когда помимо этого громыхали войны на западе, царь ценил любое, пусть даже короткое перемирие с южными соседями. Случайный набег казаков с целью грабежа мог грозить всему царству новой войной. Алексей Михайлович старался всячески задобрить старейшин, чтобы они контролировали самовольные попытки казаков отправиться к южным соседям.

Но Разин знал, что Яковлев не сможет его удержать. Слишком отчаянным стало его, Степана, положение. Конечно, он мог просто просидеть атаманом в Зимовейской ещё несколько лет. Но это могло не понравиться даже домовитым казакам. «Атаманом быть – удар держать», – сказал бы дед Петро. Разину нужно было оправдывать своё имя. Предложение Василия пришлось кстати. А что до тайника, про который рассказывал Ермил, то Разин в это не верил. Но ему было крайне важно, чтобы в народе пошли слухи о справедливом атамане, заступающим за каждого, кто нуждается в правде. Он решил, что откликнется на просьбу обиженного кузнеца, который доверил ему главную тайну своей жизни. На случай, если тайник вдруг окажется пуст, или же его просто не существует, Разин придумал следующее: в свою походную торбу он положил самый обычный шлем с кольчужной бармицей, который взял из походного арсенала Черкаска. Шлем был довольно стар и вполне походил на древнюю реликвию. Зато так должна была родиться легенда о том, что атаман обрёл от предков волшебный шлем, а с ним неслыханную мудрость. Это бы укрепило в казаках веру в него, как в абсолютного лидера. И казаки, и русский люд оставались набожными и поддавались всяким рода суевериям. Причём люди из ватаги Василия Уса, которые хоть и виделись Разину не казаками, а жалким посмешищем, могли эту молву разнести среди прочей гольтыбы.

Однако сам Ус Разина смущал. «Що ж на уме у него, чорта хитрого?» – думал он, – «Не предаст ли, собака? Кому служит, хрен поймёшь!»

Филька тем временем начал распевать новую песню, похожую на первую, но на другой лад, чуть изменив слова:

*Уж ты Дон, ой, да ты наш Дон,
Ой, Дон, Дон Иванович
Уж ты Дон, ой, да ты наш Дон,
Дон, Дон Иванович!*

Фрол заткнул уши пальцами и чуть не выронил шест, лежавший на его коленях.
– Правь давай, олух! – огрызнулся на него Разин.

*Про тебя, ой, да ты наш Дон,
Лежить, лежить славушка,
Про тебя, ой, да ты наш Дон,
Лежить, лежить славушка!*

– Дык, аки же можно то, брате! Уши вянут!
– Не гутарь пощо зря! Ладно поёт! А с песней любо на всяко дело идтить!

Младший брат раздражал Разина пуще прочих. Робкий, неуверенный, при этом со скверным характером, смазливой и хитрой мордашкой, совсем не мужественный. Если кто-то в детстве или юности пытался учинить ему взбучку, то он грозился именем брата, и обидчик, как правило, отставал, не желая иметь дела с грозным Степаном. Один раз Фрол заспорил с огром-

ным молодым казаком Демьяном из-за какой-то девки. Он бросил Демьяну фразу, что если тот не уступит ему, то за него заступится брат. Как только слухи об этом дошли до Разина, он сам приволок Фрола к Демьяну и сказал, что тот волен поступить с ним как сам пожелает. Демьян тогда хорошо отмутил Фрола, так, что тот запомнил надолго. И после того имя брата упоминал с опаской.

Разину не хотелось брать брата с собой в поход, но он был уверен, что если Фрол надолго останется в станице один, то добром это не кончится. Слишком много он нажил себе врагов. Когда Степан ходил в последний поход пару лет назад, по возвращении он узнал, что Фрол неделю скрывается в степях: опять заспорил с кем-то. Но каким бы скверным человеком Фрол не рос, он всё равно приходился Разину братом. Тот не мог его просто так бросить.

*Ой, лежит она славушка,
Слава добрая, речь, речь высокая,
Слава добрая, речь высокая.*

– продолжал Филька.

– Ну, що, Ермил, далече исчо? – спросил кузнеца-проводника Ус.

Разин внимательно оглядел его: рваная чёрная папаха, старый потёртый зипун с заплатами, а поверх него дорогой пояс, наверняка украденный, за поясом – сабля со следами ржавчины. Из-под папахи точат грязные лохмы волосьев, под носом двумя копнами спадают к подбородку длиннющие усы, а на щеках вьётся кучерявая борода, к которой постоянно прилипают комья грязи. «Поглядишь: чистый оборванец», – думал Разин, но Василия выдавали глаза. В них читались и мудрость, и тоска, а если приходилось в них смотреть очень долго, то открывалась и какая-то чёрная неведомая глубина. Под глазами – паутина морщин. «Нема, друже, сякого взгляду у холопа не встретишь! И хоть речи ты гутаришь под стать голытьбе, токмо сам ты не из них... Смотри жо у мени! Усё одно, прознаю, кто ты!»

*Аки было ты наш Дон
Усё быстёр бежал
А таперича ты наш Дон
Возмущенный стал.*

– Нема, недалече, аки батя баял! Скоро у Бесова Камня станем! – ответил Ермил. А Филька всё продолжал петь:

*Помутилси ты наш Дон
Сверху донизу,
Снизу доверху
Распускал ты наш Дон
Ясных соколов.*

– А шо ждётся тамо, Ермил? Ты про чудищ баял, да толком не пояснил! – обратился к кузнецу Разин.

*Ясных соколов
Усё донских казаков
По чужим землям
По турчине.*

– Филька закончил песню, и все, кто сидел в его лодке, теперь могли слышать Ермила.
– Псоглавцы тамо почивают! Но пробудятся оне токмо, ежели кто порешит шолом украсть!

– А ты, поди, не дашь им пробудиться?

– Да, баял я, Степан Тимофеич, заговор мне ведом нужный!

– Сяк прочти заговор-то!

– Нетушки! Нема! Не можно сяк! Заговор токмо я ведаю и прочту его в тайнике!

– Э, ты сыч акий! А вдруг забудешь?

– Дык, аки же я его забуду, ежели кажну ночь замен молитвы повторяю!

– Казак молчить, а усё знает! – крикнул с соседней лодки дед Петро.

– А що, Ермил, станется, ежели не прочесть заговора? – оскалился в улыбке Авдей.

По нему было видно, что он пуше других спутников Разина, не верит в существование тайника.

– Беда-бедовая станется! Пробудятся псоглавцы и пойдут разбойничать по сёлам и весям, шолом рыскать будут, ежели от них далече сокрытси! А за собой поведут алапесов, всадников чёрных, прислужников зла лютого... А имени того зла и называть не стану! Запретно оно и проклято!

– А чагой алапесы те натворят? – продолжал скалиться Авдей.

– Много дел худых натворят! Голод принесут, моровую язву да прочие беды!

– А ежели заговор прочесть, значить, сяк почивать и будут?

– Да то неведомо мени... Батя баял, що почивают оне, ежели шолом рядом.

– А, ну обожди, Ермил! – вмешался Разин. – Енто жо аки складывается! Псоглавцы твои да алапесы всё едино пробудятся и шолом станут рыскать.

– Сяк и будеть!

– А на що жо тады нам твой заговор?

– А тутова и хитрость, Степан Тимофеич, я заговор прогугарю, дабы они не пробудились, покудова мы в тайнике будем, а ты шолом сразу на головушку надень, он то тебе Сварожьим гласом и пробаёт, аки дале быть.

– А коль не пробаёт, то псолглавцы порешат всех! – прыснул Авдей и глупо захохотал.

– Дурень ты невымытый! Енто ж отец наш, Сварог! Не можно, дабы он не пробаял, детей своих защитой обделил! Не бывать тому!

Налетел лёгкий ветерок. Казаки все, как один, поёжились. Кончался сентябрь. День был облачный и нежаркий. Деревья в непролазных лесах вдоль берегов Растеряевки пожелтели. Разин смотрел по сторонам и соглашался, что пробраться через эти заросли было, если не невозможно, то крайне затруднительно. Проходить на лодках через камыши также было нелегко, но так хоть что-то удавалось. Хоть и медленно, но за день они проложили путь почти на две версты⁵, оставляя в некоторых сплошь заросших местах свободную водную прогалину. Два раза ходу лодок мешали бобровые плотины. Приходилось вылезать в воду, руками разбирать их и ждать, пока вода с верхнего яруса сольётся в нижний. В обоих случаях это делал Иван Молчун, обладавший недожинной силой, имевший огромные руки и плечи, сам весивший не меньше семи пудов⁶. Фрол продолжал ворчать, а Филька петь песни.

Наконец Ермил привстал на ноги, указав пальцем вдаль:

– Вот и он! Бесов Камень!

Вдалеке за камышами показалась скала исполинских размеров. Среди мягких песчаников она выглядела неуместно и устрашающе. На вершине виднелись два каменных нароста, напоминавшие рога. Дед Петро перекрестился по-раскольничьи, двумя пальцами. Глядя на него, неуверенно повторил жест Филька. А потом и Фрол, но уже троеперстием. Авдей как обычно ухмыльнулся, а Иван промолчал.

– Не боязно, Степан Тимофеич? – с лёгкой улыбкой спросил Василий.

– Мени то що бояться? У нас жо Ермил, ему заговор ведом! – спокойно ответил Разин. А сам подумал: «А тайник-то, кажись, и взаправду есть! А то и краше выйдет! Молва звучней пойдёт...»

– Тот не казак, кто боится собак! – запричитал дед Петро, будто бы и не он перекрестился первым.

– Вот и поглядим на собак тех! А, ну к берегу, братья, правим! – скомандовал Разин, – Пряма за ентот Бесов Камень и зайдём!

Казак подвели лодки к берегу и вышли на сушу. Со всех сторон зловещую скалу с рогами обступили заросли, ещё более густые, чем шли до этого по берегу. Ветви дерев и кустарников словно сплелись между собой, создавая непроходимый заслон.

– Ну, Ермил, и куды таперича? – спросил Разин проводника.

– А мени пощо ведомо? Рыскать нужно Бесово Логово.

– Ин где жо его рыскать? – уже без ухмылки запричитал Авдей, – Тутова ветви, що сеть паучья! Их токмо саблями и рубить осталось.

– Василий, пищаль наготове храни! – приказал Разин, – А ты, рылешник, замолкни! – обратился он к певцу.

– А на що пищаль, брате? – робким голосом спросил Фрол.

– А чорт ведает, мож здесь ведмеди водюτσι! Ишь глушь какая!

– Ведмеди? – испугался Фрол ещё больше.

– Казак смерти не боится, он богу нашему снадобитси! – попытался подбодрить его дед Петро, но получилось это плохо.

Казак осматривали берег. Разин запретил далеко уходить и теряться из виду, тем более лезть в чащу. Земля была устлана опавшей пожухлой листвой. Травы также потеряли цвет. Картина могла бы ожить под солнечными лучами, окрасив местность в золотые краски, но день выдался довольно мрачный.

– Сюды, сюды, братья! – раздался голос Ермила, – Дык нашёл ведь!

Все кинулись на его голос. Кузнец стоял с оборотной стороны скалы и указывал на камень высотой почти в сажень⁷.

– Проход тамо! Камень надобно сдвинуть!

– Да що там баять, аки его сдвинуть то можно? – опять заголосил Авдей.

– Довольно лясы точить! – гаркнул Разин, – А ну, подмогни дюже! Иван, Фрол, Филька, налегайте тож! Василий, пищаль деду дай, и к нам!

Шестеро казаков налегли на камень, но он не поддавался. Ермил в это время стоял в стороне, обратив взгляд к небу и воздев руки вверх.

– Свароже, Отче наш, огнем ясным очисти тела и души людьёв, тебе славящих, кои нужду теплють в сём, и отвори двери свои во блага благие!

Как только Ермил закончил молитву камень с лёгкостью пополз по земле в сторону, точно на полозьях. За ним открылась чёрная дыра прохода. Казак застыли в замешательстве. Дед Петро, Филька и Фрол опять перекрестились.

«И впрямь Бесово Логово, чары ведь – не иначе», – думал Разин, – «Тьфу, чертовщина! Ведь не веровал жо!»

– Ермил, ты со мной! А вы, казачки, усе у входу!

– Степан Тимофеич, – вмешался Василий, – Ты жо не ведаешь, що тамо встретить могёшь! И токмо вдвоём...

– Баяно тебе, у входу! Вот и стой, карауль! – осадил его Разин. Он понимал, что рискует. Он по-прежнему не верил в истории про псоглавцев и алапесов, но произошедшее с камнем на входе смутило его. Теперь он даже не представлял, что может ждать внутри. В том, что это и есть тот самый тайник, а легенда Ермилова рода не лжёт, сомнений уже не было. Но Разину

не нужны были лишние глаза внутри. «Коли внутри кладу нема будеть, то и сказу ладного не выйде!»

Ход вёл в тёмную пещеру. Разин озирался по сторонам, различая лишь тёмные очертания сводов тоннеля. Изнутри тянуло запахом затхлости и зверья. Иногда Разину казалось, что он слышит тяжёлое похрапывание. Он всё больше стал убеждаться, что здесь могут обитать медведи, хотя пещера была и велика для берлоги. «Эх, зазря Василию пищаль оставил!» – подумал он и оголил саблю. Ермил всё тараторил под нос свои молитвы. Ход вывел их в круговой зал, где на каменном помосте посреди стоял шлем причудливой формы. Вокруг шлема было светло, будто бы сам он светился изнутри. Далее вокруг стелилась тьма, но по грубым сопящим звукам стало понятно, что здесь находятся живые существа, пребывающие во сне.

«Логово зверей, да, поди, далеко не малых... Да, неужто, правду гутарил Ермил!» – мелькнуло в его голове, а кузнец приложил к губам палец и указал на шлем.

– Свароже, дидо рода небесного, – уже громко вслух начал провозглашать Ермил, – Ты творец мира явного, солнца, звезд и земли-матушки. В тебе сила творения великая сушая, коя в хозяевах рода нашего проявляется, мы исть начало всяким деяниям благим, що в сердцах рождаются, в уме созревают и в яви плоды приносят. Разве могу я начать без благословенья твоего? Молвлю к отцу небесному, пусть благословит дело наше правое, пусть одушевит светом своим, щобы содеяли мы на добро и радость свету белому, роду людскому, и родичам моим. Слава Сварогу!

С первыми словами молитвенного заговора Разин схватил шлем и одел на свою голову. Всё проходило очень быстро. Сварог, по словам кузнеца, должен был подсказать, что делать дальше. И Разин почувствовал, что шлем действительно будто говорит ему: «Быстро доставай другой шлем из торбы и ставь на помост!» Повинуясь этому внутреннему голосу Разин оставил припасённую реликвию посреди пещеры и потянул за рукав Ермила. В последний момент ему показалось, что рядом мимо выхода промелькнула фигура всадника, без плоти, только с очертаниями... Но вглядываться было некогда, нужно было бежать!

За спиной послышался топот и рык. Не волчий рык, не медвежий. Псоглавцы уже не казались Разину выдумкой... Но нужно было бежать, бежать, что есть мочи, а не думать о преследователях.

Вместе с Ермилом он вылетел из пещеры, обнаружив на выходе лишь Авдея. Разин хотел на бегу спросить его, где остальные. Но тут услышал новый приказ от шлема: «Руби Авдея саблей!». Голос этот был настолько убедительным, что Разин ни мгновения не колебался и ударил того наотмашь. Сабля проделала путь от левого плеча Авдея почти до области сердца.

– Вызнал таки, тварь, – успел прохрипеть Авдей и, выронив из ладони нож, видимо заготовленный заранее, рухнул наземь.

«Налегай на камень! Пусть Ермил молится!» – раздалось в голове.

– Чти молитву свою! – завопил Разин, навалился на камень и начал толкать его обратно.

Ермил завёл свою прежнюю «Свароже, Отче наш...», и камень, на удивление Разина, пошёл назад также легко, как шёл, когда его толкали вшестером. В несколько мгновений вход оказался снова закрыт гигантской глыбой. Показалось, что с обратной стороны о глыбу что-то глухо ударило. Что-то живое...

– Енто ж аки сяк... – лепетал Ермил, не находя себе места.

– Свиначи говёные! Куды подевались! – злобно прокричал Разин.

– Да, здесь мы... – раздался негромкий голос Ивана Молчуна со стороны лодок.

Разин нашёл Уса, Фрола, Фильку и деда Петро, повязанных крепкой бечёвкой по рукам и ногам и ей же связанных между собой. Во рту каждого торчал тряпочный кляп. Рядом стоял Иван, который уже распутывал товарищей.

– Да, щоб вас, сукины дети никчёмные! Аки ж сяк сделалось? – кипел Разин.

– Да, не брани нас! Таково уже вышло... – промямлил Иван, ему удалось освободить рот Уса.

– Степан Тимофеич, без вины виноваты! – запричитал тот, – С ним, с Авдеем, исчо четверо было, видать следом шли...

– Казаки вы аль щенки высранные? – продолжал негодовать Разин.

– Да со спин вже оне подлетели! Не ждали мы... Авдей баял: «Ей, богу! Ведмедь на берегу! Поди, Иван, глянь, тебе уже не задерёт». Вот Иван ушёл, а те налетели, аки кречеты с ентной стороны Бесова Камня.

– Дык, сяк и было, брате, – заголосил Фрол. Иван уже всех распутал.

– На чим пришли?

– На лодке, аки и мы. Им легче было опосля нас по воде... по проталине – предположил Ус.

– А где прочие? Найдить надобно! – приказал Разин.

– Не надобно, – опять проворчал Иван, – Мени повстречались... Побил усех...

– Ну, ты вол... – Разин одобрительно хлопнул по плечу Ивана, – А вы... Тьфу! Не казаки, а срамота! Голой жопой ежа не раздавите!

– Казак без атаману сирота, – оправдательно вставил дед Петро.

– Смотри, Василий, – Разин посмотрел на спутника, коему доверял меньше всего и пригрозил пальцем, – Прознаю, шо за тобой оне шли, а не за Авдеем, пожалишься, шо на свет появилси!

– Да как можно, Степан Тимофеич... – попытался оправдаться Ус.

– Сяк и можно! Пищаль Ивану отдай! – голос Степана был грозен. «Избавить себе от него, чорта, надобно! Скверный, нема веры! Не смог бы Авдей един сиё задумать!»

– А шолом-то, шолом, – вмешался Ермил, – глас Сварога-то слышен?

– Кабы был не слышен, не стоял бы тутова ужо! – махнул рукой Разин и пошёл в сторону лодок.

3. Сырые коридоры

Длинные тёмные коридоры дома на Лубянке были наполнены промозглой сыростью. Кончался ноябрь, начиналась зима. Пронизывающий холод пробивался даже сквозь эти толстые бездушные стены. За ними покрывалась тонкими слоями инея и льда истерзанная внутренними дрязгами Москва. Относительно сытая по сравнению с прочей страной, где на большей части ещё бушевала Гражданская война. Два года минуло с момента свершения революции большевиков, но счастливая жизнь, за которую так радели многие из руководителей движения, никак не наступала.

Феликс Дзержинский, кутаясь в длинную тёплую шинель, мерно шагал по одному из этих длинных коридоров, отбивая сапогами звучный такт. Его распирал кашель. «Что за собачий холод!» – думал он, – «Мы говорим о победе революции, а сами ютимся в этих каменных гробах, что хуже царских камер!»

О тюрьмах он знал не понаслышке. Одиннадцать лет его жизни прошли в ссылках и заключениях. Но такого холода, такой сырости, как в новом здании НКВД, он не встречал ни в одной тюрьме.

Дом на Лубянке был построен в конце прошлого века; предполагалось, что его заселят состоятельные жители Москвы. Но год спустя после революции его облюбовал НКВД, выселив всех квартиросъёмщиков и разместив в здании главный аппарат. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией заняла отдельный этаж. Дзержинский состоял на посту председателя комиссии, а также являлся первым народным комиссаром внутренних дел.

Положение большевиков после революции оставалось шатким, но к окончанию года хороших новостей с фронтов становилось всё больше. Наступление Юденича на Петроград захлебнулось, и войска его отступили. Сталин на южном фронте полностью очистил Царицын от белых войск. А Колчак после неудач Деникина и Врангеля на Волге, уже стремительно отступал от Урала на восток.

Множество сторонников контрреволюции тайно действовало в Москве и Петрограде. В эти дни на плечи ВЧК и непосредственно Дзержинского ложилась колоссальная ответственность. Он понимал это сам, а потому действовал предельно жёстко. Аппарат ВЧК вычислял и жестоко расправлялся со всеми, кто имел хоть небольшое причастие к контрреволюционной деятельности. Дзержинский не считал своих жертв, не считал, сколько тысяч людей обрёл на смерть и муки. Он даже и не воспринимал их как людей. Любой причастный к контрреволюционной деятельности являлся для него вредным элементом, от которого следовало избавиться. «Это необходимость!» – говорил он себе, – «Право расстрела для ЧК чрезвычайно важно, даже если меч её при этом попадает случайно на головы невиновных...» Революция была делом его жизни. Прочее не интересовало Дзержинского. Однако в последнее время он всё же стал иногда задумываться о правильности выбранного пути и целесообразности совершённых поступков...

Дзержинский вошёл в свой кабинет, первым делом зажёл примус и поставил на него чайник. Очень хотелось согреться. Не снимая шинели, он опустился на потёртое кресло и задумался.

Утром в Кремле состоялась встреча с Троцким. Тот пригласил Дзержинского сам. Не вызвал, а письменно пригласил для разговора. «...Для важного и очень деликатного разговора», – говорилось в послании. Дзержинский уважал Троцкого и разделял многие его взгляды, однако о цели приглашения совершенно не догадывался.

– Товарищ Дзержинский! – поприветствовал его Троцкий в своём кабинете, уютном и тёплом, не в пример кабинетам на Лубянке.

– Товарищ Троцкий, здравствуйте! – Дзержинский протянул руку, – Вас можно поздравить? Красная Армия на всех фронтах теснит врага!

– Давайте без формальностей, Феликс Эдмундович. И вас я также могу поздравить, успехи не пришли бы к нашей армии на фронте без активных действий ВЧК.

– Мы делаем свою работу, Лев Давидович.

– И это замечательно! А какой свою работу вы видите сейчас? – вопрос был довольно странен.

– Продолжение дела революции и борьба с контрой... – ответил Дзержинский, немного смутившись.

– О, да... Сплошным безумием революция кажется тем, кого она отменяет и низвергает. А потому контра цепляется всеми силами за спасительные островки... Которые мы должны топить!

– Мы это и делаем. У вас есть замечания по работе ВЧК?

– Нет-нет! Что вы! Да вы с мороза, – внезапно отошёл от темы Троцкий, – А я даже не предложил ничего выпить.

– Стакан горячего чаю будет как нельзя кстати.

– Чаю? Зачем же? Есть прекрасный коньяк. Французский, прошлого века.

– Лев Давидович, вы... – Дзержинский медлил, передумал высказывать свою мысль вслух.

– Нет, как могли подумать! Это не аристократические замашки! – Троцкий сам догадался о том, что хотел сказать его собеседник, – Лишь небольшой трофеей из царских запасников.

– Предпочитаю разделять голодные времена с народом, за который мы сражались.

– Я тоже, Феликс Эдмундович, я тоже. Но не народ страдал за нас, а мы за него. За ваше будущее счастье кто-нибудь провёл десяток лет в тюрьмах? Нет! А вы провели! И я провёл! Потому и вам, и мне сейчас дозволительно выпить коньяку. К тому же он не сворован, не куплен на народные деньги, а изъят у нашего общего врага! А народ своего дожждётся! Ведь ещё немного и он также будет пить коньяк, есть трюфеля и икру. Всё будет, Феликс Эдмундович, всё будет! Мы на верном пути... Пейте!

Троцкий разлил коньяк по двум стаканам и подал один Дзержинскому.

– Скажите честно, – опять начал Троцкий, – Только честно! Я не проверяю вас, не хочу очернить, просто интересно знать правду... Вы скучаете по своей юности? Вы же были дворянином? Каково это?

– С семнадцати лет я состоял в тайных обществах, а в двадцать получил первый срок. О какой юности может идти речь?

– А о детстве?

О детстве Дзержинский хотел вспоминать ещё меньше. Хотел его забыть, выбросить из памяти. Стиснув зубы он почти со злобой ответил:

– Когда мне было пять лет, мой отец умер от туберкулёза. Он лежал на своей кровати в белых простынях, на которых застывали тёмные брызги его крови... Когда мне было десять мы с братьями и сёстрами играли всяческими предметами в заброшенном кабинете отца. Среди них было ружьё. Все годы после смерти отца оно оставалось заряженным. Из него я случайно убил свою сестру... Вот два моих самых ярких впечатления о детстве! Продолжать?

– Возможно, это и хорошо...

– Что хорошо? – циничность Троцкого прибавила Дзержинскому злости, он залпом выпил коньяк.

– Что ваше детство и юность прошли именно так! Вы с ранних лет узнали, что такое боль, что такое кровь. Теперь, в самый ответственный момент, вы не дрогнете. А иной дрогнет...

– Погодите! Но ведь ещё я и был счастлив!.. – Дзержинский сам не понимал, зачем начал это говорить, но слишком его возмутил тон Троцкого, – Я знал любовь!

– О... А вот любовь это плохо!

– Плохо? Любовь – творец всего доброго, возвышенного, сильного, теплого и светлого, – спокойствие постепенно возвращалось.

Троцкий приподнял свои очки и посмотрел Дзержинскому в глаза.

– Поразительно слышать от вас такие вещи! Будто беседую не с народным комиссаром, а с христианским проповедником!

– В детстве я хотел стать ксёндзом⁸.

– Но выбрали путь революции!

– Выбрал.

– А я никогда никого не любил. И не собираюсь... Это отвлекает.

– Как вы хотите построить новое государство без любви? В чём тогда будут заключаться его идеалы? – встреча с Троцким обернулась не рабочим разговором, а обменом откровениями.

– В порядке, Феликс Эдмундович, только в порядке!

– Что вы понимаете под порядком?

– То же, что и вы. Мы освободили народ от тиранов, но без порядка народ не выживет... Мы выполняем его волю, но иногда должны и подталкивать его на нужный путь...

– Если вы о методах, то здесь я буду солидарен. Там, где пролетариат применил массовый террор, мы не встречаем предательства.

– Вот! – Троцкий воодушевился, – Вот! Вы поразительный человек! Вы говорите это сразу после того, как утверждаете, что любовь – это творец возвышенного.

– Что же... Вот так и выходит. Зачем вы меня пригласили? – Дзержинскому больше не хотелось делать откровенных признаний.

– Хотел попросить помочь разгадать одну загадку...

– Какую же?

– Вот! – Троцкий открыл ящик и аккуратно подал Дзержинскому старинное письмо под толстым стеклом, охраняющим его целостность.

Дзержинский напряг глаза, но ничего не понял.

– Лев Давидович, я не понимаю по-старославянски.

– Да что вы, здесь всё просто! От царя Алексея Михайловича донскому атаману Корниле Яковлеву. Фрол Разин, брат Степана Разина показал о месте нахождения некоего клада, на реке Растеряевке в двух верстах от станицы Букановской в некоем Бесовом Логове. Атаману поручается этот тайник отыскать.

– В чём здесь загадка? И какое это отношение имеет к нашей деятельности?

– Прямое, Феликс Эдмундович! Прямое отношение к контрреволюционной деятельности! Царские тайники вообще хранят множество полезной информации.

– Увы, я с ними не сталкивался.

– Теперь столкнулись! Я не зря пригласил вас. Я думаю, что одному мне будет справиться сложнее...

– Хорошо, я вас слушаю.

– Итак, загадка! Дата этого документа – тысяча шестьсот семьдесят шестой год, тридцатое января – дата смерти царя Алексея Михайловича.

– Я не силен в датах и плохо знаю историю русских царей.

– Это, кстати, чести вам не делает, Феликс Эдмундович, своего врага нужно знать! Знать ровно так, как мы его ненавидим!

– Хорошо, оставим это. Изложите, пожалуйста, суть.

– Царь издал указ в день своей смерти, это первое! Второе – письмо в итоге так и не дошло до атамана, а было спрятано в царских архивах! Третье – об этом тайнике Разина упоминается только через пять лет после его казни. Четвёртое – этим архивом с того времени так никто

и не заинтересовался. После Алексея Михайловича в Русском царстве господствовала недолгая смута, а потом на троне утвердился Пётр Первый, начавший проводить свои реформы. Затем столица была перенесена в Петроград, тогда ещё Петербург... Архив оказался заброшен. Я взялся за его изучение совсем недавно... И вообще я думаю, что нам стоит изучить его вместе.

– Зачем?

– Чтобы творить историю, Феликс Эмундович! История вообще вещь неоднозначная. Но мы способны её менять... В подобных архивах не должно оставаться документов, которые могут показать наших врагов в благополучном свете. Ведь если...

– ...если архивы окажутся у элементов контры... – поймал мысль Дзержинский.

– ...да, перестраховка нам не мешает! Особенно в такой шаткой ситуации, как сейчас.

– Как раз сейчас ситуация нормализуется.

– Не совсем, она остаётся опасной.

– Хорошо, я могу отчасти согласиться с вами, но всё же, что вы от меня хотите именно сейчас?

– Чтобы ВЧК взяла под контроль это дело с тайником Разина!

– Вы уверены? Это ли сейчас главное?

– Это чрезвычайно важно! Вы знаете, что о Разине до сих пор поют песни? Крестьяне, рабочие.

– Да, вероятно...

– Вот! А когда на востоке Колчак, на севере Юденич, а на юге Врангель, нам очень, очень важно поскорее возвести среди народа этот благородный образ первого на Руси революционера!

– Я могу не слишком хорошо ориентироваться в вопросах идеологической борьбы, но вашим словам доверяю.

– Это прекрасная идеологическая борьба, Феликс Эдмундович! Будьте уверены! Разин – донской казак, восставший против царя. А кто, как не казачество, доставляет нам сейчас наибольшие проблемы! Так значит, нам настало время писать новую историю! В которой народ, в том числе и сами казаки, должны увидеть противостояние казачества и царской власти.

– Что мне делать непосредственно сейчас?

– Вы должны изучить все царские документы о Разине, отчитываясь о каждой важной зацепке.

– Вы уверены, что я смогу правильно определить эти зацепки?

– Уверен. Вам будет предоставлен полный доступ к архивам. Отчитываться будете лично мне.

– Вам? Не товарищу Ленину?

– Нет, именно мне.

– У меня осталось только два вопроса!

– Пожалуйста!

– Могут ли архивы переехать на Лубянку, чтобы я не отрывался от главного рабочего места?

– Безусловно.

– И я должен изучать архив лично, либо могу поручить это кому-то из своих соратников?

– Думаю, вам и так хватает забот. У вас есть надёжные люди?

– Петерс.

– Хорошо, поставьте над архивами его. Но помните, мы с вами отныне должны встречаться как можно чаще для корректировки полученных сведений из этого архива. И конечно же послание царя... Тайник на этой реке Растеряевке нужно будет обязательно отыскать!

– Я понял вас, Лев Давидович. Если это всё, то я, пожалуй, пойду.

– Предлагаю выпить ещё коньяку. Ноябрь выдался ужасно холодным...

– Если вы полагаете, что мы заслуживаем этого, то давайте... – Дзержинскому захотелось прогреться, перед тем как выйти на мороз.

– Безусловно, заслуживаем!

На этом диалог с Троцким закончился.

Дзержинский проснулся от свиста чайника и понял, что задремал. Он неторопливо поднялся, поставил стакан в подстаканник, бросил туда заварку и залил кипятком. Затем охватил подстаканник ладонями, чтобы согреть замёрзшие пальцы. В дверь постучали.

– Войдите, – сказал Дзержинский.

– Вызывали, – в дверном проёме появился Яков Петерс.

– Заходи, Яков Христофорович. Присаживайся. Чайку'?

– Не откажусь, Феликс Эдмундович.

Они сели за столом напротив друг друга.

– Вот как ты думаешь, Яков, какая у нас тобой роль в истории? – спросил Дзержинский, дуя на горячий чай.

– Борьба с контрой... К чему ты спрашиваешь?

– Мы с тобой занимаемся одним делом... А ты, вот, помнишь всех расстрелянных?

– Что мне, всякую шваль ещё вспоминать? – Петерс смутился.

– А я думаю, помнить нужно... – Дзержинский пребывал в задумчивости, – В назидание... А ты любил? Кого-нибудь по-настоящему в жизни любил?

– Да что с тобой, Феликс!

– Просто мысли... Ну, так любил? – откровенничать с Петерсом было приятнее, чем с Троцким; тот был более прост, отвечал без задней мысли.

– Любил родителей... Жену люблю и дочь...

– А идею?

– Какую?

– Нашу идею равенства и братства!

– Конечно! О чём речь! Ведь это дело всей моей жизни! Всей нашей жизни!

– Вот... – ответы Петерса заставили Дзержинского задуматься ещё больше, – А стал бы ты доверять человеку, который сам признаётся, что никого никогда в своей жизни не любил?

– Не знаю, смотря, кто он...

– Допустим, он – один из умнейших людей государства, он настоящий революционер, социалист, коммунист, теоретик марксизма... Но он никого никогда не любил...

– Ну... наверное, бы стал.

– А я – нет, Яков! Ты, я, многие похожие на нас – все стали забывать суть... Ради чего была революция? Если мы с тобой сидим в этом ледяном сыром здании, а две трети страны голодают!

– Ты куда-то клонишь?..

– Нет. Просто при следующей чистке, когда ставишь подпись перед расстрелом, вспоминать тех, кого любишь.

– Зачем?

– Чтобы с ума не сойти!

Повисла пауза.

– Ладно, – оборвал её Дзержинский, – А теперь давай по делу. Будем творить историю!

4. Арий

Джангар, Тёмный Степной Пёс, порождение хищного огня, приходил раз в тысячу лет. Он происходил от Древних и был вестником смерти и хаоса, а также ещё одной из загадок Вселенной, стремящейся к равновесию. Джангар уничтожал всё живое на своём пути. Только одолев его, разумные существа могли совершенствоваться и строить свои цивилизации дальше. Сначала Джангару противостояли *велеты*, или как они себя называли сами *оуоамма*, затем люди. Что происходило на земле до появления велетов, Арий не знал. Об этом Сварог не рассказал ему.

За Степным Псом всегда следовали алапесы, чёрные всадники без плоти и лица. Где бы алапесы не проходили, они сеяли за собой моровую язву – чёрную смерть. Если им на пути попадались младенцы или малые дети, то алапесы моментально обращали их в прах. Зрелые люди какое-то время могли сопротивляться тёмной силе, но очень быстро их кожа покрывалась язвами и рубцами, ссыхалась, дыхание перехватывало, тело начинало гнить изнутри. Остановить алапесов можно было только смертью Джангара. Но через каждую тысячу лет он воскресал снова.

Всё это Арию рассказал Сварог, перед тем как отправиться в вечный сон.

– Ономо велетов сварили хвори? – спросил Арий.

– Ино вящих, – ответил Сварог, – Мой роде не зремо ону детель.

– А ноне?

– Ноне Аз голомя дублий!

– Вскую ж овых днесь нас охабишь?

– Елмаже мне горний зов завет повьдал, Арий! Аз требно грясти во успение! Днесь сие выпьлчение твое и твоего роду!

– Аз всилю, отче?

– Ты вдяети оно... * (перевод в конце главы)

Арий вглядывался в ночную темноту, вспоминая разговор со Сварогом. На горизонте полыхали зарницы. Раскаты грома гремели по округе. Накрапывал дождь. Капли звучно падали вниз, разбиваясь о доспехи воинов Ария. Джангар близко, говорило предчувствие. Там, в багровом зареве, в сполохах грозы, уже будто слышалось злое рычание Степного Пса. Арий чувствовал, что его людей накрывает страх. Он хотел придать им уверенности, но не знал как.

Сварог оставил ему последний дар – боевой шлем. Эта реликвия оставалась последней надеждой Ария.

Сварог был верховным велетом клана Прави. Уходя в сон, он поведал Арию о своей жизни и кратко рассказал об иных велетах. Велеты не знали истории своего происхождения, как и истории происхождения мира. Но знали о Роде, великом Творце всего сущего. Род и был самим Мирозданием. Однако велеты хотели обрести одну, единую Истину, дабы понять смысл своего существования. Но поиск главной Истины привёл их не к просвещению, а к войне, по окончании которой в живых осталось лишь девять кланов. Двое велетов по имени Зораав и Жрец отыскивали некий Источник, где был слышен голос Рода. Род предложил Зорааву, приблизившемуся к источнику первым, выбор: либо он, единственный из всех, познает Истину, либо велеты закончат свою войну и обретут бессмертие. Зораав выбрал второе. Жрец лишь подчинился его выбору. Так велеты стали бессмертными, но взамен они поклялись Роду, что забудут о существовании Источника.⁹

Менялись года и эпохи. Клань велетов, обретя новую мудрость и вечную жизнь, делились своими знаниями с людьми, что жили тогда дикими и несведущими племенами. Люди боялись велетов, считали их богами, такой же высшей силой, как и сам Род. Сварогу они приписывали

создание земной тверди и всего мира. Тому же было сложно правильно истолковывать людям свои учения. Так пропасть между людьми и велетами, жившими рядом с ними, становилась всё больше.

Арий был старейшиной своего племени. Однажды он увёл людей на север, прочь от южных степей, от свирепых кочевников, истребляющих мирные народы, от скудных неплодородных земель, испепеляемых солнцем. В северных лесах, по слухам, жили сильные могучие люди, что мирно пахали поля, сеяли хлеб, разводили скот, занимались охотой в лесах, кишащих зверьём, и рыбной ловлей в бесчисленных реках и озёрах. Арий был силен и мудр, его племя верило ему и шло вперёд за лидером.

Арий сдержал слово, и привёл свой народ в те мирные земли. Племена, заселявшие их, сперва встретили чужаков враждебно, но поняв, что пришельцы с юга не собираются воевать, разрешили остаться и основать собственное поселение. Прошло несколько лет, молва о мудрости и силе Ария быстро разлетелась над округой. Многие старейшины племён, живших ладно, но разобщено, стали приходить к нему за советом. Со временем Арий стал почитаем всеми лесными племенами, а народы севера и юга стали родниться между собой, заводить семьи с иноплемёнцами.

В один из дней Ария посетили волхвы, древние старцы, которых народ считал служителями богов. Они и явили новому негласному вождю лесных племён истинного Сварога, велета, но не бога.

Волхвы были людьми, посвящёнными в тайну. На вопрос Ария, почему он не является к людям в своём истинном обличии, почему те продолжают видеть его верховным богом, Сварог отвечал уклончиво. У волхвов и у Ария, по его словам, хватало разума понимать отличия велета от бога. Но для простого люда понимание это было крайне сложным.

Сварог просил волхвов найти Ария ради одного: хотел передать ему боевой шлем, что некогда принадлежал великому Герою, сыну велета и человеческой женщины, появившемуся на свет вопреки заветам Рода. Тот Герой случайно отыскал Источник, про который не ведал ранее. А Источник открыл ему Истину. Но Истина оказалась горькой, Герой моментально обратился в старца, а ещё Он услышал голос самого Рода, который предрёк велетам погрузиться в сон, дабы оставшиеся на земле люди смогли самостоятельно строить свою цивилизацию дальше. Герой рассказал об этом всем девяти кланам велетов на их общем Совете во Дворце Мыслей на краю мира. Но после этого был тайно убит. Велеты знали, что это сделал один из них, но не могли понять, кто именно. Перед смертью же Герой вручил Сварогу шлем, завещая передать его самому достойному из людей, перед тем как уйдёт в сон. Доспехи и оружие героя обладали тайной силой, ибо в них он погрузился в Источник.

С тех пор, когда Арий облачался в шлем, он слышал будто не то голос Сварога, не то Героя, не то самого Рода, Мироздания или Истины... Но этот голос был чёток и Арий всегда следовал ему.

Однако вместе с великим даром Сварог оставил Арию и великое обязательство. Наступали тёмные времена, в мир возвращался Джангар, что вёл за собой чёрных всадников смерти. И грядущая битва должна была стать битвой людей, не велетов!

Арий боялся... Впервые в жизни он боялся. Он не знал, много ли ещё на свете живёт племён и народов, способных взяться за оружие и противостоять Джангару. Зато он знал, что Сварог поручил принять этот бой ему, знал, что должен выступить первым.

Он вернулся в степи, позвав за собой воинов, и тех, что увёл когда-то с юга, и тех, что примкнули к нему в северных лесах.

Арий шёл вперёд, следуя зову своего сердца и голосу шлема. Сварог объявил ему, что велеты погрузятся в сон в недрах огромного кургана посреди степи, а сила их, пусть и пребывающих во сне, поможет народу Ария в грядущей битве... Выходило, что велеты тоже ушли из лесов в степь... В степи решилась судьба мира...

И вот тысячи могучих мужчин встали стеной вдоль степного тракта, готовые встретить своих врагов, наступающих под сенью кровавого зарева. Северяне уже умели ковать железо, научили они этому и племя Ария. Сейчас воины облачились в пластинчатые доспехи и кольчуги, простые грубые шлема, имели при себе тяжёлые прямые мечи. Каждый второй боец в колонне держал при себе длинный лук и колчан со стрелами. Лучники должны были выпустить максимальное количество стрел в противника, когда мечники выдвинутся вперёд, а при окончательном приближении врага отбросить луки и взяться за короткие мечи. Арий рассказал своим воинам о тактике в предстоящем бою, но даже не представлял, как этот бой будет протекать. Он даже не знал, как будет выглядеть противник: кто такой Джангар, кто пойдёт за ним следом, будут ли с ними существа, которых можно поразить стрелой и мечом...

Сам Арий стоял впереди в простой льняной рубашке, намокшей от дождя и прилипающей к телу. Под ней виднелись могучие бугры мускул. Арий жил на свете уже пятое десятилетие, но продолжал считаться самым сильным и крепким воином даже среди могучих северян. Лицо его было мужественным и чётким, словно вытесанным из камня. Ровный прямой всегда чисто выбритый подбородок, гладкие скулы, застывший взгляд. Тёмно-коричневые усы отросли почти на вершок¹⁰ и спадали на грудь. С бритой головы свисал чуб, ещё гуще и длиннее.

Арий одел шлем... «Он впереди! Джангар идёт к тебе!» – тут же сказал голос. Кровавое свечение впереди становилось ярче, приближаясь к воинам. Сквозь шум дождя был слышен конский топот. Первая мысль, посетившая Ария, была об алапесах, чёрных всадниках. Но стук копыт становился всё громче и отчётливей, оживляя в памяти тех, кто совсем недавно бежал из степей, привычные им образы. Какие звуки могут издавать кони алапесов, Арий не знал, зато отчётливо помнил звуки, что издают кони кочевников. Ошибиться было сложно. Арий понял, что за неведомым Джангаром следует орда степняков, от которой он однажды увёл своё племя. «Да! Это так!» – сказал голос шлема, – «Степняки поклонились Джангару, назвав богом. И теперь они – часть его силы!».

– Не робь, друже! Бехом присно рамны правью! ** – прокричал Арий своим воинам, пытаясь приободрить и их и себя.

И тут он, наконец, увидел Джангара. Тот показался на вершине ближайшего высокого холма, озарённый красным пламенем. Арию уже не было понятно, полыхало ли небо от зарниц непрекращающейся грозы или от сияния Степного Пса. Морда Джангара больше напоминала волчью, нежели собачью, а сам был вышиной почти в три сажени, лохматый, взъерошенный с мощными лапами. Из скалящейся пасти, не переставая, ручьём стекали слюни. Он рычал, и рык его вторил грому, разливаясь по степи. От этого зловещего рычания воины Ария затыкали уши, а сам он вдруг ощутил дикий страх. Не тот, что довлел над ним перед битвой; нет, то был страх неизвестности. А сейчас Джангар навивал своим рыком страх неотвратимого конца, навивал предчувствие разрушения и хаоса, которые должны были прийти за вслед Псом. «Ар-р-рий! Ар-р-рий!» – словно слышалось в рыке, – «Ты обр-р-речён...» «Сражайся! Ты должен осилить страх и победить!» – отозвался шлем. Арий крепче сжал меч двумя руками, слегка занёс над собой и застыл в ожидании.

Тёмные фигуры кочевых всадников стали появляться рядом с Джангаром. Из-за красного сияния их нельзя было хорошо разглядеть, различимы были лишь силуэты: остроконечные шапки, контуры луков за спинами.

– Стыть на мисте! *** – приказал Арий своим бойцам.

«Ар-р-рий! Ар-р-рий!» – продолжал тревожить его слух звериный рык. В то время один из степняков издал звонкий клич «Ю-ху!!!», сотни глоток поддержали его и всадники бросились на ряды северных воинов.

– По орям потяйте! **** – прокричал Арий лучникам.

Когда всадников от них начала разделять лишь четверть версты, лучники дали первый залп, затем, почти мгновенно второй, третий, четвёртый... Стрелы разили коней степняков, те на ходу падали на землю, катились кубарем, сбрасывали с себя наездников. Кони, скачущие во вторых и третьих рядах, стали врезаться в неожиданно появившиеся препятствия, из-за чего спотыкались сами. Лишь немногие степняки достигли северян, уже сомкнувших ряды и выступивших с мечами вперёд.

Арий сам повёл воинов.

– Поскепай, степняка, друже!***** – проголосил он. Воины кинулись закалывать мечами раненных коней и уцелевших всадников. Многие степняки, оказавшиеся в стороне, бросились врассыпную в попытках спасти жизнь.

«Тр-р-русливый сбр-р-род...» – будто бы смеясь, ответил рык Джангара.

Арий был рад тому, что удалось столь легко отразить первую атаку. Он сам поразился тому, как ещё совсем недавно мог опасаться степняков, уводя от их чёрных табунов своих людей. Теперь же вместе с северянами ему удалось легко и просто одолеть их многочисленное войско.

«Весь бой ещё впереди!» – сообщил ему голос шлема.

«Стал сильнее...» – уже точно не рычал, а шипел Джангар, – «Но ты умр-р-решь...»

Из-за спины Пса появились новые всадники, но они уже не походили на степных кочевников. Ни остроконечных шапок, ни прочих узнаваемых черт, разглядеть было нельзя. В красном сиянии виделись лишь контуры коней и седоков. Неведомая конница стремительно направилась к северянам. Но она не скакала по степи, она будто летела по воздуху. Летела со скоростью стрелы. Лучники Ария только успели натянуть тетивы своих луков, а всадники уже оказались перед ними.

Казалось, что и кони, и наездники были без плоти. Лишь чёрные приближающиеся тени увидел Арий. «Алапесы!» – понял он. А всадники миновали его и вклинились в ряды бойцов. Мечники пытались поразить их своим оружием, но клинки лишь рассекали пустоту. Чёрные тени прошли сквозь воинов и скрылись в ночной темноте. Бойцы пребывали в недоумении. А Джангар лишь расхохотался. Уже не по-пёсьи, а почти как человек, только он захлёбывался в этом смехе, фыркал и потягивал.

Арий оглядел воинов. Те ещё пребывали в замешательстве, как вдруг один из них, Яр, стал задыхаться, хватаясь руками за горло. Древ, стоящий рядом, вскрикнул, посмотрев на свои руки – пальцы и ладони почернели. Он выронил меч, но вслед за мечом упали и кисти его рук, словно они и не были частью тела. Древ завопил громче, что есть мочи, упав на колени и воздев к небу гниющие культы.

Лицо Яра уже стало мертвецки бледным и сухим, по нему поползли язвы и трещины. Такие лица сделались у Атея, Орика, Гнура. Арий оглядывал прочих, каждого охватил какой-то недуг. Алапесы сделали своё чёрное дело. Теперь Арий убедился в их убийственной силе. Он обернулся к Джангару и сделал шаг вперёд, приглашая его сразиться. Тот, как могло показаться, засмеялся ещё больше.

«Ар-р-рий... Умр-р-решь... Меня не убить...» – смех сменился привычным рыком. И Джангар сорвался с места, устремившись с вершины холма на Ария.

«Увернись!» – приказал шлем. Арий поднял меч выше точно для удара, но когда Джангар поравнялся с ним, резко отпрыгнул в сторону. Глухой удар сотряс землю. Степной Пёс в прыжке приземлился лапами на сырую траву и проехался по ней. Но быстро развернулся, и его пасть щёлкнула рядом с поднявшимся Арием. Тому показалось, что Джангар может поглотить его: он был более чем в три раза выше самого Ария. Страшное красное свечение слепило глаза. Был слышен лязг и скрежет зубов, а также непрекращающийся зловещий рык, выводящий что-то похоже на: «Смер-р-рть!»

«Путайся у него в ногах!» – дал подсказку шлем.

Арий бросился мимо оскалившейся пасти. Обрызганный слюной, он оказался под брюхом Джангара. Тот хотел изловчиться, чтобы поймать Ария и просунул пасть сбоку, между передними и задними лапами, но потерял равновесие и рухнул наземь. Арий успел сделать кувырок в бок так, чтобы Пёс упал рядом и не раздавил его.

«Цепляйся за него!» – снова раздался голос шлема.

Арий ухватил Джангара за шерсть на холке, при этом продолжая держать меч в одной из рук. Пёс вскочил и заметался из стороны в сторону, пытаясь сбросить неожиданного наездника. Но человек сжал его железной хваткой. Арий чувствовал, как неприятно даётся Джангару каждое движение, каждый рывок, когда его кожа и шерсть оттягивались под сжатыми пальцами, видимо, доставляя Псу боль.

«Держись! Ни за что не отпускай!» – твердил голос в голове Ария.

Джангар же тем временем перестал зловеще рычать и издевательски смеяться. Расторопность противника пришлась ему явно не по вкусу.

Он встал задние лапы, ещё несколько раз мотнул головой но, видимо, убедившись, что подобные движения успеха не принесут, устремился назад на вершину холма. Стремительный бег Пса не сломил Ария. Но только они достигли самого верха, голос приказал: «А теперь отпускай!» Не думая, Арий повиновался. Он рухнул наземь, выставляя вперёд меч. Взбешённый же Джангар поднялся на задние лапы, готовый обрушить свою пасть на Ария с разрушительной силой.

В этот момент яркая голубая молния поразила Пса. Раскат грома на этот раз слился с истошным визгом. Красное свечение вокруг Джангара погасло. Он стоял на подкашивающихся лапах, готовый вот-вот рухнуть.

«А теперь бей!» – скомандовал шлем.

Арий подбежал к Псу и со всей силы нанёс рубящий удар по правой передней лапе. Брызги крови разлетелись вслед за взмахом клинка, а Арий, не останавливаясь, нырнул под Пса и нанёс такой же рубящий удар по левой задней лапе. Этого хватило, чтобы сражённый Джангар завалился плашмя.

В последний момент Арий сделал три шага назад и выставил меч над головой. Заострённый металл пробил горло Пса, когда он всей своей массой начал падать на своего сокрушителя. Арий выбрался из-под туши и нанёс ещё несколько колющих ударов в область горла.

Джангар харкал кровью, несколько струек сбегали на землю, образуя красный поток. В предсмертном кашле Арию показалось, что он слышит: «Ты не победил...» Но переведа дух, он отогнал дурные грёзы. Степной Пёс был повержен, в том сомнений не было!

Арий сделал несколько шагов, снял шлем и, наконец, понял, сколько сил он отдал этому поединку. Его ноги подкосились, как только что подкосились у Пса после страшных ударов меча. Герой рухнул в высокую сырую траву и забылся.

Когда он открыл глаза, тучи расселись. Утро восходом зажглось на горизонте. В глаза били ласковые розовые лучи. Обескровленная туша Джангара валялась на земле, источая лёгкий смрад. Арий огляделся вокруг. Недалеко от высокого холма могучим водным узором растилась величественная река, шириной не меньше версты. Степь шелестела влажной зеленью, обласканная утренним солнцем. Но картина с обратной стороны холма обрадовала Ария больше всего. Всего его воины, целые и невредимые, стояли на том самом месте, где вчера приняли бой со степняками и встретили алапесов. Бойцы поднимали вверх мечи и приветствовали своего предводителя. Арий узнавал Яра, Древа, Атея... Все, кто ещё вчера умирал у него на глазах, снова здоровствовали.

– Слава Арию!!! Слава!!! – кричали воины.

– Слава воям Ария! – крикнул он в ответ с кургана и крик этот сотряс степное раздолье.

– Слава! Слава! – летело по степи.

«Слава... – думал Арий. – Сиречь есмь имя сему роду! Мы есмь род славы!» *****

* —

– Болезни поражали и велетов? – спросил Арий.

– Только древних, – ответил Сварог, – Мой род не застал тех времён.

– А теперь?

– Теперь я стал гораздо сильнее.

– Почему ты тогда нас оставляешь сейчас?

– Потому что высший голос дал мне завет, Арий. Я должен уйти в сон. Теперь этот бой – твой и твоего племени!

– Я справляюсь?

– Ты сделаешь это...

** —

– Не бойтесь, друзья! Всегда сильны мы были правдой!

*** —

– Оставаться на местах!

**** —

– По коням бейте!

***** —

– Добивайте степняков, друзья!

***** —

Слава... – думал Арий. – Это будет именем моему народу! Теперь мы племя Славы!

5. Струги под Царицыном

Разин со стороны оглядывал свой лагерь, разбитый близ устья реки Иловли, что впадала в Дон. Отправляясь за зипунами из родной станицы, он даже не предполагал, что такое множество народу соберётся поддержать его поход. От количества стругов, которые казаки выгаскивали на тающий мартовский лёд, захватывало дух. А ведь совсем недавно подобный размах сложно было представить...

После Бесова Логова Разин вместе с братом Фролом вернулся домой, в Зимовейскую. Слухи о том, что Степан ушёл за кладом, гуляли среди всего населения станицы с момента его исчезновения, а также выходили за её пределы. А по возвращении Разина, целого и невредимого, слухи эти стали обрастать легендами. Никто не знал, что именно он нашёл на реке Растеряевке, во что его втянул Ермил-кузнец, но многие поговаривали, что, дескать, Степан Тимофеевич теперь обрёл такую силу, что ныне не пуля, ни сабля его не берёт, а мысли врагов своих он наперёд знает. Отчасти это было правдой. Боевой шлем, якобы принадлежавший Сварогу, древнему богу, подсказывал, как поступать дальше. Иногда Разину это казалось полным сумасбродством, и он убеждал себя, что подобное лишь чудится ему, что он сам себе всё это придумывает. Но лишь он одевал шлем, сразу же слышал отчётливый голос.

Разин, вопреки изначальной задумке, запретил говорить своим бывшим спутникам, что шлем и есть найденный клад, однако наказал повсюду распускать слухи об удачном походе к Бесову Логову. Кто-то рано или поздно узнает про шлем, это он знал. Только хотелось отсрочить этот момент, дабы за реликвией не началась охота...

«Пушай, кады о кладе слухают, то про золото думают! Не про шолом!» – напутствовал атаман. Сейчас Разину было важно, чтобы народная молва о нём самом и предстоящем походе за зипунами разлетелась по всему Придонию. Атаман, нашедший клад! Такой образ так и притягивал голодранцев, жаждущих лёгкой наживы. «Казак удачливых атаманов любить!» – сказал бы дед Петро. Он, Василий Ус и Филька отправились к северным притокам разносить эту молву об удачливом атамане среди голытьбы. В том, что голутвенные казаки захотят пойти с ним, Разин не сомневался. Жизнь у них была тяжёлая и невесёлая, а грядущая зима сулила растрату нажитого за лето добра. Дед Петро с языком без костей и Филька, что пел всегда и везде, идеально подходили для зазывания казаков. А вот Василия Уса Разин по-прежнему опасался. Что можно было ждать от этого человека, он до сих пор не знал. Не знал до сих пор его истинных целей. Однако голутвенный атаман имел большую популярность на северном Доне, и не взять его в предстоящий поход не представлялось возможным.

Голытьба важна была Разину своей численностью. Но цену её боевым навыкам и дисциплине он прекрасно знал. Это были ветреные ненадёжные и трусоватые люди, думающие только о скором обогащении. А Разин, прежде всего, должен был создать крепкое ядро для своего будущего войска. Для этого он и вернулся в низовья. Взял с собой Ивана Молчуна. Немногословный, преданный и невероятно сильный, именно такой человек нужен был Разину рядом, когда он сам сделался объектом пристального внимания, мало ли что! Последний же участник похода к Бесову Логову, хранитель его тайны, Ермил-кузнец вернулся в свою станицу, не желая участвовать в войнах и набегах.

Разин планировал отправиться в поход на стругах, едва тронется лёд. Ему нужно было собрать как можно больше судов и опытных ясаулов. Однако немногие казаки, как в его станице Зимовейской, так и в станицах в близлежащих, жаждали оставить нагретые места ради разбойного похода без вельможи верховного атамана Яковлева. Лишь слухи о загадочной недавно обретённой силе Разина подогревали интерес у самых лихих и беспокойных.

Первым Разина поддержал его добрый друг Михаил Харитонов, казак богатый и зажиточный, но недовольный политикой Яковлева по отношению к царской власти. Соглашаясь

на самовольный поход, Харитонов поставил под удар своей авторитет и благосклонность Верховного Круга. Но его пример вдохновил ещё нескольких опытных командиров: Никифор Черток, Федот Шелудяк, Сергей Щурый обещали Разину поддержку весной. Так вольный атаман рассчитал повести за собой десять-пятнадцать стругов. Казаков, согласившихся на поход, едва ли набиралась сотня, но все они были опытными закалёнными бойцами, которые могли неплохо организовать разобшённую гольтьбу.

Зимой под конец святок двор разинского куреня огласился звоном многочисленных колокольчиков. Сам Разин в это время сидел в светёлке за большим резным столом и изучал карты прошлых походов при копящем свете толстой свечи. «Кого жо черти тамо несуть?» – подумал он. Дверь гостям отворила его мать.

– Гей, ты гляди-ко, сам анчихрист в мой курень заявилси! Що те надобно, нехресть, у честных людёв-то? – запричитала она.

– Не дело гутаришь, Матрёна Афанасьевна! Чай кумовья сяк, не чужды друг друже!

Разин узнал Яковлева, за дверью также слышалось ещё несколько грубых мужских голо-сов.

– Гаспид болотный кум тебе, царёва злодиюка! – не унималась мать Разина.

– Гыть, Афанасьевна! А ну, не горли! По-людски давай! С атаманом, поди, гутаришь.

– Ты мени в моём курене не кажи аки гутарить надобно! Видали мы ентих атаманов, жополизов царёвых! Ловчий погреб¹¹ на тебе заготовить надобно было! Тьфу! По-людски гутарил ты, кады мы про Ивана жалились! Ох, упокой его душу праведную, – старуха перекрестилась тремя перстами.

Разин уже стоял в дверном проёме.

– Полно, матушко, – спокойно, но довольно сурово сказал он ей, – Содеянного не воро-тишь. А ты, Корнило Яковлич, коль с добром да словом дельным явился – проходи, погутарим! Токмо друже твои пушай на балясах за дверью останутси, чай скоро говор наш покончим!

– Не радушно, Степан, на святки крёстного батьку потчуешь!

– Ужо молчал бы, крёстный батько! А то, неровен час, и со двора спроважу! – пригрозил Разин.

Яковлев сбросил тёплые тулуп и папаху на лавку и прошагал в светлицу.

Курень у Разиных был крепким, добротным. Если на верхнем Доне гольтьба ставила себе лишь глиняные мазанки, покрытые соломой, с одним этажом, деревянным настилом над землёй, скромным погребком сенями и комнаткой с печкой, то в низовьях Дона казаки закладывали своё жилище основательно.

Вырывалась большая яма, куда закладывался бревенчатый каркас. Далее выстраивался фундамент из земли и брёвен, затем строились стены из камней, известняка и глины. Так получался первый этаж – холодная комната, заменяющая сени. В ней казаки сушили рыбу и пучки душистых трав, хранили соленья, яблоки, груши и арбузы. Иногда внизу вырывался отдельный погреб. Деревянная тёплая надстройка, верхний дом, куда со двора вела лестница с балясами, уже была жилой, делилась на множество спальных комнат-домушек и жилых светёлок. В доме могло закладываться несколько печей, обогревающих спаленки.

Такая разница в жильё между домовитыми и голутвенными казаками происходила, прежде всего, от того, что на нижнем Доне курени строились целыми поколениями, а беглецы с Русского царства, оседавшие в верховьях, часто стояли себе убогую лачугу просто, чтобы скоротать зиму, а летом уйти в поход.

На дворе Разина было два жилых дома. Один, что больше, занимал сам Степан с женой и двумя детьми, его матерью и братом Фролом. В другом основалась жена покойного брата Ивана со своими детьми, и дядя Разина, брат его отца. На дворе были поставлены несколько сараев, сеновал, гумно, были сколочены коровник, курятник и конюшня. Коней с походов казаки пригоняли в табун станицы, однако некоторых забирали себе в качестве дувана, закон-

ной личной добычи. У Разиных было четверо коней, принадлежавших только им. Лошадей Степан любил...

Слышно было, как они тревожно ржали, чувствуя на дворе коней Яковлева и его спутников.

Верховный атаман прошёл в светёлку вслед за хозяином куреня.

– Що жо за года грянули, ежели крестник сиё крестному бает, а казак – атаману! – укоризненно заявил он в ответ на угрозу Разина.

– А то усё года, в коих атаман царю служить повадилси, а не казачьему кругу.

– Ыть, опять за старое! Царёво, казачье... Ты послухай, що побаить желаю!

Тут Яковлев обратил внимание на карты, лежащие на столе.

– Вот аки! Поди, правду гутарят! За зипунами собралси!

– А тебе то що с того!

– А то що с туркой ноне мир у нас! Не можно турку грабить! И крымчака не можно!

– Ха, у нас – енто у кого жо?

– У казаков поди!

– Слухай, Корнило Яковлич!..

– ...нема! Ты мени таперича послухай, Степан! Да послухай внятно! Царёва десница, она ноне всюду! Щоб Дону вольным быть аки прежде, с Москвой счёты иметь надобно!

– Що ж енто за воля сякая!

– Дослухай, гутарю тебе! Що до Ивану, то он на службе был. И вина она его исть, що уйти вздумал.

– Казак сам решаеть, служить али нет!

– На войне с ляхами царь да его воеводы решают! Тамо тебе не Дон! Взясли служить – сяк служи.

– Я про сиё от тебе сотни раз слыхивал, во сто первый решил прогутарить?

– Да вы мени, Разины, плешь прогрызли ужо! Корнила злодей! Корнила казачьи законы попирает! Во-первы'х, не атаман решаеть, а Круг. И Круг со мной в согласии. А во-вторых, що мени таперича? Усех казаков с передовых отозвать? Сяк енто аль царь сам к нам с войной явиться, али ляхи царя побьют да тож к нам придут! Оно надобно?

– Дык пусть приходють! Казак всем дёру задаст!

– Ты, Степан, в войне толков, да в хозяйстве худ! Що, вот найдут со всяких сторон и царь, и ляхи, и крымчаки, и турки, и ногаи. Сяк жо усех и побьём?

– Надо будеть – побьём!

– Гей, не трынди понапрасну! Токмо покуда казаки с царём вместе, усем добро будеть. Дружбу с Москвой вести треба!

– Кому дружба, кому служба. Не лизать жо ног боярам!

– А мы, поди, и не лижем! Слухай, Степан, вот Христом-богом покаюсь, грешен, не сберёг брату твого, не вступилси за правду. Но не с того, що трухаю, а с того що о донском казаке пекусь!

– Пекись дуже в пекле сатановском!

– Ну, довольно, крестник! Повякал и паче будет! Не хошь полюбовно, буде по приказу! На турку идтить я тебе воспрещаю, аки атаман твой! И делу тутова конец!

– А коль не послухаю?

– А коль не послухаешь, не обессудь! У мени близ Черкасс сотня стругов и пушек у стен полсотни! И тебе посрамлю и гольтбу твою перебью к чертям собачьим!

– Вот токмо казачей крови тебе и не хватало пролить!

– А сие будеть не казачья кровь, но кровь отступников да мятежников! Смотри сам Степан! Ужо давай-ко во ладу жить!

– Катись кобыле под хвост, атаман сраный! Ужо тошно гутарить с тобой!

– А вот ентих слов, Степан, не забуду! Треба тебе и меру знать! Придётся час, не посмотрю, що крестник! Проучу аки сучьего пса! – Яковлев быстро удалился из светёлки, набросил на плечи тулуп, одел папаху и вышел на балясы.

– Вот и погугарили... – прошептал под нос Степан.

В светёлку вошла его мать. Уже не такая гордая, дерзкая, какой встречала Яковлева, а просто маленькая сутулая старушка. Со вздохом она села на лавку рядом с сыном и стала гладить его по голове:

– Ох, Степанушко, сыне моё, чую недоброе ты дело затеял...

– Уж полно, матушко, що ж мени с крёстным посчитаться таперича.

– Того крёстного дюже глядеть не желаю! Он к нам в курень ужо не ходок! Не пуцу! Про другое кручинюсь...

– По що жо, матушко?

– Тимофея Иваныча, голубчика мого, отца твого родного потеряла, Ивана сынко мого, кровинушку, потеряла, а таперича и ты, Степанушко, кормилец, бросить нас хошь? На що жо мени оставишь? На що жо жинку, деток? Да исчо и Фрола с собой тянешь...

– Сяк-то от сяк, матушко, дык ведь я жо казак, а не холоп, да не боярин. На що жо казаку жить без войны? За Корнилку не пойду боле! А добром то разжиться надобно! На то я и кормилец, и тебе, и жинке! А про Фрола... Самой жо зреть треба: непутёвый он! Що его оставить, токмо Разиных двор позорить! Отмутузят его аки щенка за дерзость аку-нибудь, вот и весь те Фрол! Пуцай со мной идётся, мож хоть казаком сносным станет...

– Правду ты, Степанушко, баешь, да вот тоскливо мне токмо...

– На то ты и мать! Но идь исчо ты и казачка донская! Так що гордись за мени, матушко, коль со славой вернись!

– И пойдёшь таки?

– Пойду! Благослови!

– Ох, ты сыне мой... А що ж мени делать исчо?.. Благословляю тебе! А куды ж пойдёшь то? Не пустит ведь Корнилка-то! У него силища во Черкассах.

– А Корнилка наш не умней гуся, – усмехнулся Разин, – Вот тронетси лёд, уйду на стругах, да и оставлю его с голой жопой!

Лёд в тысяча шестьсот шестьдесят седьмом году пошёл рано, в середине февраля, сразу после масленицы. Через неделю на берегах у Зимовейской было уже двенадцать стругов. Общее место сбора казаков Разин назначил у впадения реки Иловли в Дон; всю зиму он рассылал письма в верховья, зазывая казаков явиться туда с началом весны. Его же стругам, чтобы подняться до устья Иловли, нужно было миновать пять десятков вёрст против течения по воде, ещё кишасей льдинами. Людей у Разина собралось мало, сто двадцать человек. Пришлось срочно посылать весть к Усу, дабы отправил в Зимовейскую пару сот человек гольтыбы на вёсла. Местные казаки ворчали, когда в станицу вошла орава оборванцев, но никто не посмел высказать недовольство Разину в лицо. Да и сам он не стал испытывать терпение своих соседей и отбыл на север через день, разместив на каждом струге по тридцать человек. При усердной работе на вёслах, он рассчитывал достичь Иловли через пару дней.

Гольтыбу привёл странный казак, которого с издёвкой кликали Хмур Хмурович. Кликали вопреки его характеру. Грязный, измазанный, в рваной папаче, но с курчавым чёрным чубом и такими же усами. Казалось, что иного выражения на лице как улыбки у него просто не было. Он постоянно смеялся, сквернословил, задирал окружающих, за что отребье его просто обожало. Разин решил, что, неволен час, кто-то из оседлых казаков может и за саблю взяться. Он приказал Ивану Молчуну не спускать с Хмура глаз и всё время держать при стругах, не пуская в станицу. Ещё раз он с грустью признался самому себе, что в грядущем походе в большинстве его будут окружать именно такие казаки.

Зато кого Разин был искренне рад увидеть, так это Петро-Баюна. Он не просил Уса приехать к нему деда специально, но когда встретил того, сразу придумал ему особую роль в своём плане.

– В Черкассы тебе отправлю, деда!

– Казаком быть – не разиня рта ходить! По що ж мени в Черкассы-то, атаман?

– К Корниле Яковлевичу ступишь от мени со словом, що, мол, крестник здоровья ему шлётъ, да просит преград не чинить у Черкасс, кады мы на турку в Азов на стругах пойдём.

– Б'ть ты! Добыть аль дома не быть! Так он мени и станет слухать!

– Станет – не станет, а то моё атаманово слово тебе! Да с казачка'ми в Черкассах потрепись. Погутарь що за що, що видел, скока стругов собралось, скока шашек...

– Без атамана дуван не дуванят! Що моё дело? Во мне ума, аки говна в комаре! Коль гутаришь, значить сполню!

– Ну, вот и ладно, деда!

– Эх, токмо погулять мени с вами взхотелось тож...

– Погулять нам вместе пока негоже! Как молву посеешь, назад вертайся. В курене моём у матушки да жинки завсегда кров найдёшь! И сыт будешь!

– Ишь ты! За акие жо заслуги-то?

– Гутарю ж тебе: сей молву! Вот що твоей заслугой станеть.

На второй день пути ударили морозы, и Дон опять затянулся ледяной коркой. Струги шли по полынье, теряя в скорости вдвое или втрое. К месту сбора прибыли через пять дней, вместо запланированных двух.

Но картина, которую узрел Разин у устья Иловли, заставила его на время онеметь от восторга. Ус собрал больше тысячи голутвенных казаков. Но самое главное, пригнал ещё три десятка стругов. Это было по-настоящему удивительно. Голодранцы, жаждущие приключений и наживы, давно заселили северные притоки. Но мало кто мог сколотить ладный струг. А тут их было целых тридцать!

Разин понял, что недооценил Уса. Уважение к нему поднялось, но и чувство опасения усилилось.

– Ну, що, атаман! Вот и свиделись снова! Гутарь, аки жив, аки здоров, аки жинка, детки!

Атаманом Разина стали называть ещё в Зимовейской, когда начал готовить поход. Круг его не выбирал походным атаманом, однако казаки изначально стекались к нему, как к командиру.

– Жив да здоров, аки поглядишь! А що до жинки да деток, так те в курени стались, и тебе то не касаемо!

– Полно, Степан Тимофеич, що аки сыч неприветлив?

А Разин хмурился оттого, что ему теперь стало необходимо сделать Уса одним из ясаулов, ибо удержать в узде такую ораву оборванцев одной своей волей он уже не мог. Нужен был авторитет Уса, или того же Хмура, любимцев голытьбы. Восторг прошёл, появились проблемы, которые предстояло решать...

Вечером Разин закатил застолье. Самый простой способ завоевать сердца оборванцев! Он поставил десяток бочек вина и двадцать жбанов сивухи из собственных запасов. На закуску вытащил солений, вяленой рыбы и мяса, всё из запасов, приготовленных в поход. Кормить такое количество ртов несколько месяцев всё равно не представлялось возможным. В скором времени предстояло, как можно скорее, разобраться в вопросе с продовольствием.

Отребье гуляло, провозглашая тосты за своего атамана. Филька в самой гуще распевал песни:

*Да у марте месяцу,
Да у марте месяцу,*

Выпала порошица.

Казачи подпевали ему. Кто-то пустился в пляс.

*Выпала порошица,
Выпала порошица,
Да не мала, не велика.*

Разин собрал в стороне свой первый совет, на который явились названные ясаулы. Вокруг огня расположились Харитонов, Черток, Шелудяк, Щурый, Ус, Хмур и брат Фрол. Последних двух Разин не слишком желал видеть при обсуждении важных дел. Но за несерьёзного Хмура попросил Ус. Пришлось посчитаться с его мнением. Фрол же сам упросил брата. «Да и деж мени разуму учиться, коль не на советах ваших толковых?» – вопрошал он. Разин счёл подобный подход разумным. «Авось и усвоит що нить ладное!»

– Ну, що ж, братья, погутарим ноне, – взял первое слово атаман.

*Да не мала, не велика,
Да и ко'ню по копыта,
Воробьюшко по колени...*

– продолжало доноситься с казацкого гульбища.

– Давай, бай нам, Степан Тимофеич, аки собираешься мимо Черкасс пройти! Слухи ходють, не взлюбил тебе Корнилка! – начал Ус.

– Не слухи-то, Василий, правда – то! Обещает бес притворный сотню стругов да пять десятков пушек поставить супротив нас!

– Ить ты! А стоко бывает? – удивился Хмур опять же со дурацкой улыбкой.

– Ну, рот прикрой! – гаркнул Ус. – Не время шутики шутковать!

*Воробьюшко по колени,
Да коню по щётчку,
Воробьюшко по глоточку*

– во время пауз в разговоре Фильку было слышно особенно хорошо.

– Я тебе баял ужо, атаман, – спокойно продолжил Харитонов, – Кумовья с Черкасс вертались, усё аки и исть! Собирает аспид! Трухает тебе!

– Так що ж нам делать-то? А? Гутарь жо, Степан Тимофеич, казачков я ладных привёл, но Черкассов труханут оне. Им жо Дон волю дал! Войной на Корнилку не пойдуть... – Ус был спокоен, но насторожен. Разин же внутри себя посмеивался над всеми. Он уже давно заготовил совершенно иной план... А ясаулы спорили...

– Дык, и не пройдем мы Яковлева, пушки да сотня стругов – не хуй собачий! – Щурый был верным, но дерзким и резким на словах казаком. – Давай, атаман. Обещал поведать – поведай! Аки на турку-то пойдём?

– А що нам на турку-то идтить! Не пойдём на него! – спокойно ответил Разин.

– Енто аки сяк не пойдём? Всю ж зиму нам баял, що на турку идтить надо! – удивился Шелудяк.

– Затем и баял, що б молва пошла, – атаман усмехнулся, – Простите, братья, ежели сим обидел вас, що правду утаил!

– Правду? – переспросил Черток.

– На море Хвалынское¹² идтить надобно! Перса пошугаем!

– Ай, Степан! Ай, голова! – хлопнул себя по ноге Харитонов, – Ить и я ж дажо поверил, що на турку идём!

– А коль ты поверил, то и прочие поверят! Корнилка то с кавуном замест башки и подавно! – продолжил Разин. – А у нас Волга-матушка свободная, да Царицын неприкрытый. А прознай Черкассы заране, сяк царю бы грамоту ужо б послали. Що б те нас со стрельцами ждали.

– А аки ж на Волгу выйдем? – спросил Василий.

– Волоком струги попрём, а то голытьба твоя налетела, да усе сяк и хочуть наживы без труда. Пушай сначала привыкают! Спуску никому не будеть...

– А я що, вол що ли? – прыснул Хмур, – Ташите коль надобно, а мени и аки любо.

Резким движением руки подскочивший Разин схватил его за горло и изо всех сил сжал пальцы. Хмур обеими руками пытался ослабить хватку, но потягаться силой с Разиным не смог. Атаман увидел страх в глазах дерзкого шутника.

– Що ж не смехочешь боле?

– Пусти... а..та... ман... – еле-еле прохрипел Хмур.

Разин отбросил его в сторону на мокрый снег.

– А таперича слухай меня, змеёныш! Я тебе ясаулом сделал, я ж с совету и сгоню! Ты мени поартачься тутова исчо. За аким хреном увязалси? Казачье войско енто тебе – не кабак, да не шутовской сброд! Войну вершить идём! Пикнешь исчо що нить поперёк мени, снесу саблей твою вшиву головёнку! Усёк?

– Еть! Казачки', да що ж твориться-то!!! – Хмур вскочил на ноги и заорал, что есть мочи, желая привлечь внимание прочих казаков. Он удачно выбрал момент. Филька как раз перестал петь, – Мы за нимо пошли, а он почище царя-мучителя будеть! Я тебе тутова не на каторге! Пошёл ты в сраку чортову! Я тебе не холоп!

Люд вокруг замер. Казаки, ещё недавно беззаботно гулявшие и певшие песни, теперь безмолвно наблюдали за картиной. Прочие ясаулы, что пришли с Разиным с Зимовейской тоже не подали голоса. Но Разин знал их, а они его. Видимо, знали зимовейские казаки и то, что должно было случиться дальше.

Сабля атамана описала полукруг, и голова Хмура полетела в сторону, оставляя красные брызги на грязном весеннем снегу. Кровь запачкала Фрола, и тот вскрикнул.

Разин оглядел безмолвствующую голытьбу.

– А таперича послушайте мени, казачки'! Откель вы прибились, я смекаю! Вы усе аль холопы, аль колодники бёглые. Вы пришли на Дон усе за волей, и ноне волю обрели. И я не царь вам, да не боярин! Для тех, кто не сведущ – я атаман! А идём мы не на гульбу, а за зипунами, и тутова слово первое – моё! Ежели кто не желаеть, я не неволю! На Дону хоть в бедноте, да в ладу и мире пожити – усё можно! Но коль собрались до походу, то слухайте мени да ясаулов! Усё! Уходите, кто желаеть!

Казаки стояли в тишине. Никто не проронил ни звука. Разин оглядывал их лица, где читались испуг и трепет перед грозным атаманом. «От бояр тикали, що пороли их! Токмо такову кровь и видали!» – понимал Разин. Понимал он и то, что большая часть этих людей не умела воевать и не умела убивать. Но именно ему нужно было обучить их войне. Других людей для похода не досталось. «Но аки ж мени сдержать их, коль оне и труда, и крови трухают?» – задался вопросом атаман.

Разрядил обстановку Филька.

*Аки у нас на Дону
Жизнь была весёла.*

– заголосил он.

*Чернява моя,
Черноброва моя,
Черноброва, черноглаза,
Раскудрява голова!*

– поддержали его несколько голосов, а потом все постепенно снова пустились в пляс.

*Жизнь была весёла,
Атаман хороший.
Атаман хороший,
Ясаулы бравы.*

– выводил певец, дальше в хоре слилось уже больше сотник глоток.

*Чернява моя,
Черноброва моя,
Черноброва, черноглаза,
Раскудрява голова!*

Разин повернулся к огню. Ус, предваряя события, развёл руками и сразу же сказал:

– Ну, що хошь, Степан Тимофеич, токмо енти человеки, нема других.

– Да, я-то ведаю, Василий, вот токмо акого ж чорта ты мени ентого Хмура в ясаулы навязал?

– Навязал с того, що чернь его любить!

– И що ж таперича чернь? Тикать станеть?

– Ясен хрен! – усмехнулся Шелудяк, – Да тамо ужо кто-то в портки надристал, покудова ты сабля блистал.

– Тьфу! Второй дед Петро мне тугова нашёлси! – сплюнул Разин.

– Вот кто тады от атаманова виду дриснул, тот ночью и в бега сдристнет... – вздохнул Черток.

– А, поди, сяк и краше! – заметил Харитонов, – Нема будет ртов лишних!

– То-то оно верно! – настаивал Шелудяк, – Да кому струги-то переть?

– Рано плачетесь, ясаулы! – перебил Ус, – Ну, стикает четыре аль пять десятков. Иначе хоть трухают, да пойдуть дале! Послушайте, вот углядите завтра ж сами!

– Слухаю я тебе, Василий, да що-то дюже много худого ты гутаришь! – сурово глянул на него Разин, переведя после взгляд на убитого Хмура, – Фролка оттащи ужо енту тушу отсель!

– А що я?! – удивился Фрол.

– Що ты прогутарил!? – грозно отозвался Разин.

Фрол побледнел.

– Лады, брате, лады... – он тут же вскочил, подхватил обезглавленный труп подмышки и потащил в сторону.

– Не веруешь мени опять, Степан Тимофеич, – с грустью вздохнул Ус.

– Прекрати плакаться! Но слово твоё мени ужо худым советом значитси!

– Давай по делу, атаман, – перебил Харитонов, – Аки скоро думаешь струги до Волги доволочим?

– Снег ладный покедова, простоял бы пяток дней, тады доволочим!

– А що потом? – спросил Черток.

– А потом, братья-ясаулы, у Царицына харч рыскать надобно! Сию ораву кормить – дело тяжкое!

На этом первый совет ясаулов окончился.

Тащить волоком струги по снегу оказалось легче, чем грести вверх по Дону против течения. В середине марта Разин встал лагерем у Царицына. На Волге начался ледоход, а солнце с каждым днём грело всё жарче. Первые купеческие суда пошли уже через несколько дней.

Казачий флот разместился на обоих берегах. На одном командовал сам Разин, на другом – Харитонов. Казаки стали брать ясак с проплывающих судов, шедших со Средней Волги в Царицын и Астрахань. Пока Разина не слишком интересовали товары, а золота на бортах купцов почти не было, всё везли на продажу. Зато продовольствие изымалось подчистую.

Разин не хотел идти вниз, не узнав подробно про мощь Царицынского гарнизона. Он регулярно посылал разведчиков, под видом бродяг в город. В итоге выведал, что в городе стоят лишь несколько десятков стрельцов, зато на стенах расположена мощная артиллерия, больше двадцати пушек. Такое количество орудий было способно погубить половину казачьего флота, даже если бы те прошли вплотную с другим берегом. Снега в степи тем временем окончательно растаяли, и обходить Царицын по земле, переправляя струги волоком, сделалось весьма проблематично.

Ясаулы давали противоречивые советы. Кто-то предлагал рискнуть проскочить по водам, кто-то советовал договориться с царицынскими боярами, Ус вообще ратовал за то, чтобы штурмовать город.

– Що ж на уме у тебе! Такмо мы сразу царёвы ослушники станемси! – окстил его Разин.

– А коль на перса войной пойдём, то не ослушники, поди!

– Время выиграть надобно! Время! Рано нам с царём тягаться!

В одиночестве Разин одевал шлем, надеясь на совет. «Жди!» – слышалось ему, но он не понимал, действительно ли это голос шлема, тот который спас его в Бесовом Логове, или же это его собственный голос, не способный принять верное решение.

На десятый день стоянки явились послы от царицынского воеводы.

– Що надобно? – спросил их Разин.

– Так енто ж мы спросить желаем, чаво казачка’м доблестным надобно у стен наших? Пошта людей честных грабите?

– Енто мы-то? Дык разве мы грабим? То мы ясак взываем! – пояснил атаман.

– А пошта ж взываете?

– А по що оне ходють тутова? Тутова мы встали!

– Чаво желаетшь, атаман, ты скажи! – перебивали послы, – Мы жо и дарами осыпать могём. Вот и вернётесть восвояси!

– Не вернёмси! Нам пройти дале надобно!

– Так вы идите, идите...

– Тады впускайте сотню казаков в город, що б пока мы шли на стругах, они на стенах у пушек стояли...

– Не можно... Боимси мы казачков в город пущать.

– Сяк, поди, слову моему не веруете?

– Таково, а ты, поди, нашему!

– Ваше слово мени – що лай собачий! А казака слово аки железо ковано!

– Ну, ужо вот и не ведаем, аки дале быть!

– Сяк и катитесь к чертям лохматым, фетюки трухатые! А воеводе, курве, молвите, що он говно золотой ложкой жрать у мени будеть, ежели в город казаков не пустит!

Послы ушли ни с чём. После их визита Разин предположил, что жители Царицына уже достаточно испугались его, и воевода вряд ли решится атаковать флот. Но полной уверенности всё равно не было... А в шлеме всё слышалось: «Жди!»

Удача пришла неожиданно. С севера прибыл небольшой конный отряд. Филька, теперь постоянно бывший при Разине, вошёл в его походный шатёр и объявил, что к нему прибыли странные гости. Разин велел войти. Он находился в шатре вместе с Усом и Чертком.

Внутрь шагнула монахиня в чёрной рясе в сопровождении двух крепких мужиков. Те были в красных праздничных рубахах, но лицом нетёсанные и чумазые. Из-за поясов их торчало по увесистому топору.

– Чи! Вы кто сякие будете? Що монахиню привели? Я божьих человек не трожу! Коль прознаю, что обиды ей чинили...

– ...не чинили оне обид, атаман, – перебила сама монахиня, – Со мной оне! А обмолвиться с тобой я желаю!

– Ить ты! – изумился Разин. Он внимательно осмотрел загадочную гостью. Сложно было определить возраст, ей могло быть и двадцать, и тридцать лет, но явно не больше, лицо ещё молодое, без морщин, остальное прятала чёрная ряса, покрывавшая голову и тело.

– Ну, и аки величать тебе, матушка? – усмехнулся он.

– Сестрица Алёна я!

– За страждущих в Царицыне пришла просить?

– Вроде того... – Алёна задрала рясу. Под ней оказались мужицкие портки с заткнутой за пояс саблей и двумя пистолями.

– Диво-дивное, однако жо... – изумился Разин.

– Гуляю я уж, поди, два года близ Арзамасу-городу, – продолжала монахиня, – До того в монастыре жила, богу служила... Да вот решила послужить и правде. Уж всяк много бед бояре люду простому чинят. Вот и вешаем мы порой их... Воеводе тамошнему братия наша не по зубам, поди! А к тябе пришла, аки услыхала, шта ты за зипунами собралси... А нам бы добра раздобыть, да пистолей, да булату доброго...

– Аки прослышала?! Я ж усё баял, що на турку иду!

– От голутвенных казачков дошли вести, що собираешь ты человек у реки-Иловли. Вились мы туды, да поздно ужо! Двинулись вы на Волгу, просто всё местные сказывали!

– И множе вас?

– Да пол ста людьёв... Таково примете?

– А що ж не принять? А и вы, поди, бывалые, мне б поболее сяких! А що нарядные-то? – указал он на спутников Алёны.

– Не век жо во рваньё ходить... – ответил один. – Коль купечик поделилси рубахами, чаво ж не сносить-то?

– А казаки-то с вас ладные выйдут! – улыбнулся Разин.

– А ышо дар я для тябя привезла! – продолжила Алёна.

– И що ж за дар?

– Весть благая. Во дне пути отсель идут по Волге суда с самой Москвы до Астрахани. На судах тех стрельцов не множе, едва ль сотня. Зато колодников на вёслах сотни три... А груз – золото, да пушки для астраханского воеводы.

– Ух... А ты почём ведаешь?

– А я в сём сведуща! Множе человек тому делу, богоугодному, потакають... Заприметили их ышо с Новогороду Нижнего, мужики-то бедные да голодные уж сами б прибрали, да трухают всё...

– Скока судов?

– Шость аль семь. И по единому аль по двум десяткам стрельцов на всякий...

– Що ж, братья, – Разин оглядел Уса и Чертка. – ... и сестры, – добавил он, бросив взгляд на Алёну, – Удача за нами! Грех сяким подарочком не попользоваться.

Со слов Алёны, Разин рассчитал, что московские суда достигнут его стоянки поздним утром следующего дня. С вечера он приготовил казаков и восемь стругов, что должны были

выйти наперехват с первым лучом зари. Отряжать больше стругов не захотел. Казачьи суда могли помешать друг другу при стремительной атаке.

Вообще манёвренность была главной особенностью казачьего флота. Каждый струг, шириной примерно в две сажени и длиной от одного до двух десятков, имел плоское дно и неподвижный парус, который поднимался только при благоприятном ветре. Казаки умели ходить под парусами, но для речных походов гораздо важнее была гребная сила и возможность прохода по мелководью. Струги не имели килей, потому были невероятно подвижны, а также не нуждались в специальных причалах. Казаки вытаскивали их прямо на берег во время стоянок.

Утром Разин выступил вверх по Волге. Он командовал на переднем струге. Ещё на одном руководил Ус, а ещё на один Разин назначил Алёну. Многие из казачьей команды сразу же возроптали, что над ними поставили бабу. А один из гребцов обнял Алёну за плечи со словами:

– Сяк що ж красава, мож и полюбитси с казачка'ми вздумала? Уж чур я перво'й!

Алёна в ответ резко схватила его за длинную бороду и чиркнула по ней кинжалом, выхватившим из-за пояса. Всё произошло так быстро, что казак потерял равновесие и упал в воду. Остальные гребцы захохотали во всё горло.

– Смекаешь, шта в иной раз порежу? – грозно спросила Алёна.

Казаки прыснули смехом ещё сильнее. Пошли шепотки: «А баба-то не промах!» К Алёне на встречу вышел кормчий и, слегка поклонившись, сказал:

– Прости грешных, матушка! Уж дурни-то, поди, нетёсаные! Но разуму выучатся дже быстро! Веди нас...

Всю эту картину Разин наблюдал воочию. Он был рад, что в его войске появился ещё один необычный волевой ясаул. Без рясы Алёна смотрелась гораздо моложе, ещё совсем юной девицей. Многие бы даже назвали её красивой, несмотря на грубую мужичью разбойничью одежду. «По душе и норов её, и лик казакам будеть!», – решил Разин.

На пяти других стругах командовали кормчие. По берегам с конницей по пятьдесят голов пошли Шелудяк и Черток. Московские суда должны были попасть в цепкие клещи. За старшего же в лагере остался Харитонов.

Тяжёлые торговые корабли показались на горизонте к полудню. Сложно было предположить, что творилось на их бортах. До последнего ли московские командиры не замечали казаков, или сразу смирились с долей, было непонятно. Но суда даже не попытались уйти, совершить обходной маневр.

Когда струги поравнялись с ними, стрельцы, по пять-шесть с каждого борта, навели на казаков пищали. Но и ружья казаков, коих было втрое больше, уже были направлены на противников.

– Сарынь на кичку¹³! – прогремел громогласным басом Разин.

– Сарынь на кичку!!! – подхватили прочие казаки.

Гребцы, поняв, в чём дело, побросали вёсла.

– А ну, грести, проклятые! – вопил богато одетый человек на вёсельных колодников.

– Ты по що жо людей изводишь?! – проревел ему зычным басом Разин, и голос его разнёсся над весенней разлившейся Волгой, – А вы, стрельцы, пищальки-то опустите! Не шуткуйте с нами!

Стрельцы подчинились.

– Да чаго ж вы творите, детёныши иудины?! – опять завизжал тот человек. На остальных стругах молчали.

– Ты тугова заглавный що ли? Кто будешь?

– Я царёв человек, Василий Шорин! А ты кто таков? Коль разбойник – знай, беда тебе будет!

– Дык, я жо и не разбойник! Сяк, поди, беды и мени нема будеть! – на казачьих стругах раздались смешки.

– Кто таков, пёс?! Чаго преграды нам чинишь?

Царский человек Шорин стоял на высоком носу своего судна и смотрел на Разина сверху вниз.

– Ыть! А ты и смел видать! По що ж не почину с атаманом гутаришь? Величать меня Степан Тимофеич, вольный казак я. И друже мои казаки всё вольные. А за дерзость твою мы потолкуем ичсо... – после он опять прикрикнул, обращаясь к гребцам. – Е-гей, братья! Кто на вёслах, а ну до берега правь! А вы, стрельцы, усех бояр да урядников¹⁴ вяжите, а на берегу погутарим...

Своим казакам он тоже приказал двигаться к берегу, на сторону Чертка. За спиной он слышал истошные вопли Шорина, важного царёва человека: «Да чаго вы творите! Э-э-эй!!! А ну, лапами мни не трожь! Ай, сукины дети! А-а-ай!!! Да почто ж бьёте!»

На берегу Разин вершил суд. Он восседал на грубом деревянном помосте. Черток был права, Ус – слева. Алёна – в стороне. Перед Разиным на коленях предстало больше двадцати бояр и стрелецких командиров, связанных по рукам и ногам. Шорин стоять не мог, он был сильно избит, плевался кровью.

Один стрелец объявил Разину:

– Вот атаман, аки велел, всё царёвы люди, бояре поди. Мы жо стрельцы простые.

– Сам кто будешь?

– Фёдор Кремнев я, атаман. Стрелец московский, холопий сын...

– Вот що, Фёдор. Покуда за старшого быть тебе! А ну, стрельцы, с колодников оковы сымайте!

Стрельцы опять беспрекословно подчинились. Когда они смешались вместе с колодниками, и разношёрстная толпа обступила атамана, Разин обратился с речью ко всем:

– Слухай мени, братья! Ноне вы на землях казачьих, и таперича и стрельца, и пленника бывалого, и ярыжного человека¹⁵ я называю вольными казаками! Ступайте, аки вам станеть угодно! Кто захочет уйти – пушай уходит, прямо шас! А тем, кто со мной желает вниз на Хвалыны уйти, добро пожаловать в войско казачье...

Он внимательно наблюдал за толпой. Отделилось несколько стрельцов и ни одного бывшего невольника. Стрельцы зашагали по сырой оттаявшей степи прочь от берега.

– А сих – Разин показал на бояр и стрелецких командиров, – В петле вздёрнуть! А Шорину перед сим ичсо и язык вырвать!

– Атаманом сябя величаешь, а ведёшь аки разбойник! – встрепенулся один из связанных урядников. – То судом праведным кличешь шта ли?

– И по що ты тьявкаешь, собака! – гаркнул Разин. – Тутова тебе на царёв двор!

– Я не тьякаю! Слово дозвошь молвить...

– Хм... – смутился Разин, – Ну-ну, молви. Кто таков?

– Николай Бердыш я. Сын Василия Бердыша. Отец мой стрельцом бывал, а до него дед бывал, а до него его отец и его дед. Все мы, Бердыши, спокон веков у царя на службе при Москве. Служим веками справно, да почестей нам нетуть. И служба сия на рабство походит! По титулу я не холоп, да вот ни земель, ни добра не имею... Таково посчитай, я, урядник стрелецкий, от простого стрельца не отличаюсь.

Бердыш говорил негромко, степенно. Было видно, что он взволнован, но волнение это перебарывает. Выглядел просто, но в глаза бросались аккуратно постриженные тёмно-русые волосы и борода. Урядник явно следил за своей внешностью.

– Иж ты! Баешь-то ладно! А душа твоя пёсья! По що над невольниками измывалси? По що над людом довлел? – Разин посчитал речи Бердыша хитрыми уловками.

– А тебе почём ведомо? Ставили мени на судно над стрельцами, вот и путь держу с ними!
А обид не чинил никому.

– Верно молвит, атаман, – вмешался один из колодников, – Нас не терзал, слова худого не сказывал, не ругалси!

– Да и с нами, стрельцами, хлеб-соль делил, – засмутился один стрелец и виновато посмотрел на Бердыша, – Ты прости, Николай Васильич, шта тябя повязали-то...

– Я сам просить за него хотел, атаман, – добавил Кремнев, – Енто добрый человек!

– Добрый, гутарите?.. – задумался Разин, он был немного смущён, – А ну, развяжите!
Поди-ка сюды, Николай.

Бердыщ сделал несколько шагов в сторону атамана.

– А ежели отпущу, що делать станешь? К царю вернёсси?

– Коль отправишь мени – вернусь. Мени дела в миру боле нетуть! А коль с собой позовёшь – пойду! Пойду по доброй воле, ибо волен то во первой раз и буду!

– Щоб тебе! – заулыбался Разин, – В военном деле толк ведаешь?

– Ведаю.

– Що могёшь?

– Про ближний бой ведаю, аки людьми с пищали командовать ведаю, аки осаду аль оборону вести!

– Добро! Будешь голутвинцев сему учить! Ты таперича, Николай, вольный казак сяк же!

Казачки дружно поприветствовали помилованного стрелецкого командира.

– Атаман! А я тож с тобой желаю! – подскочил ещё один из связанных.

– Не, слухай, атаман, енто ж Сидорка Лютый! – дёрнулся другой колодник, – Ещё вчерась мени усю спину розгой покрасил! У, сын сатановий! – погрозил он кулаком бывшему стрелецкому командиру.

– То верно! – добавил Кремнев. – Гадина он да злодей!

– Вы собаки молчите! – крикнул Разин своим пленникам, а потом обратился к бывшим колодникам и стрельцам, – А вы, казачки', гутарьте, исть ли средь бояр да урядников исчо люди добрые, вроде Бердыша?

Те засовещались. «Ну, Ерофей Ноздрёв, токмо...» «Ну да, Ерофей...» «Да-да, за Ерофеем худого не водилось!..»

– И кто ж ентот Ерофей?! – спросил Разин.

– Я, атаман, – поднялся высокий темноволосый, со сросшимися бровями и густой бородой, человек.

– За тебе гутарят! Що ж ладным людям – воля!

– Я с тобой ходить не буду... Уж не обессудь...

– Ну, дык ты волен таперича. Ступай, аки хошь!

– Я на царёву службу вернусь... Я царю служить пред богом поклялся. Всякому своё...

– А що ж мени сиё баешь?

– Коль ты честен, атаман, то и мени честным быть! Не любы тебе слуги царёвы, таково казни мени.

– Ишь ты, акой! – изумился Разин, – Царёвы люди – мени не друже! Но слово казака твердо! Коль я баял, що ты волен – ступай куды хошь! Токмо ведай – в иной раз не помилюю!

Ноздрёву дали спокойно уйти. Тот напоследок подошёл к Бердышу, оба долго смотрели друг на друга, но не проронили ни слова. Повесить прочих бояр Разин поручил колодникам. Те с радостью набросились на своих бывших истязателей и ещё долго мучали их до казни. Казачки осмотрели захваченные суда, найдя большие запасы золота и оружия. А захваченной провизии, по грубым подсчётам атамана, должно было хватить до середины лета. Теперь струги могли смело двигаться в сторону Астрахани, в низовья Волги. Однако царицынский гарнизон

никуда не делся, по-прежнему беспокоил Разина. Вечером он пригласил Бердыша, чтобы дать тому важное задание.

По плану атамана Бердыш должен был явиться к царицынскому воеводе и передать ему головы убитых бояр. А также сообщить о захваченной провизии и оружии. Разин велел сообщить, что на судах было взято двадцать пушек, хотя, в самом деле, их было только две. Главной целью было запугать царицынского воеводу, чтобы пройти на стругах мимо стен без боя.

Разин не боялся серьёзных схваток, но если бы гарнизон Царицына нанёс ощутимый вред его флоту в самом начале похода, то неподготовленные казаки из гольтыбы могли испугаться и сбежать назад в северные донские станицы к бедной, но безопасной жизни. Там было надёжно и просто. А вот боёв под Астраханью и на Каспии Разин уже не пугался: разбежаться по диким степям, гольтыба не решилась бы.

Бердыш ушёл утром следующего дня. День прошёл, наступил вечер, затем ночь, но посланник так и не возвращался. Самым худым исходом для Разина было бы решение воеводы пленить Бердыша, как предателя. Также он понимал, что Бердыш сам может предать его и остаться за стенами, рассказав воеводе правду о страхах самого Разина и вооружении его войска... Но атаман Бердышу верил. Если бы тот хотел вернуться на царскую службу, то бы мог уйти с Ноздрёвым. «А вдруг ить, собака, выслужиться восхотел!? Що тогда...» На смену вере потихоньку приходили сомнения.

Ночь была бессонной. Несколько раз Разин надевал шлем, желая услышать подсказку. «Жди...», «Жди...» – лишь это слышалось ему. «Да щоб меня! Ыть разумом тронулся ужо... А мож сие – простой шолом, що вои носят?.. Но и было ж Бесово Логово! И зверьё тамо было чудное! Не солгал Ермил, да голос я слышал... Заправду ить слышал! Аль почудилось? Эх, черти-чортушки! Самому толковать надобно, а не шолом напяливать!»

Задремал атаман под утро, а разбудил его сам Бердыш.

– Дело содеяно, атаман! – радостно объявил он.

– Эх, Николка! Ужо смекал – не воротисся! Ну, що? Гутарь!

– Вести ладные! Усё содеял, аки ты велел. Аки головы боярские с мешка вытряхнул, так воеводовы прихвостни, кто свалилси без сознания, кто блевать прямиков в палатах стал!

– Хе, – усмехнулся Разин, – Енто весело! А що воевода?

– Воевода мне молвит: «А пошта тябе живот оставили?» А я ему в ответ, мол, наказы свои атаман передал. «Ну, везёт тябе», – воевода молвит снова, – «Шта ж, вступай на службу ко мени покуда!» «Не могу», – говорю, – «С вестью вертаться мне велено». «Енто аки таково велено?» – он мне, – «Чаво я ответчу-то! Не пуцу опосля ентого разбоя я казаков в город тем паче! И не впустил бы ране!» «А пушки-то», – я – ему, – «У тябя целёхоньки? Ежели казаки на приступ пойдут...» «Да, на кой тамо целёхоньки! Одне ржавые, иные косые, три-четыре ладных найдутси... Усё шлём, да шлём царю челобитные, да без толку...» Я – ему: «Дык, десяток пушек-то тебе и везли, прочие до Астрахани...» «Чи!» – тот струхнул, – «Так чавой? У разбойников два десятка пушек новых?» «И пороху, и ядер вдоволь!» – я пуце пужаю. «А ты тады вертайси», – кажет он, – «Да разбойникам молви, шта пушек да ружей в Царицыне счёту нетуть, а надобно, дык выйдем и распужаем казаков ентих!»

– Так енто що? По усём зря боялись? – усмехнулся Разин.

– Дык, бес его ведает! Токмо ноне не преграда он казакам! Пройдём под стенами – залпу не даст! Испужается!

– Ну, Никола, будь моим друже отноне! Знатную ты службу сослужил!

– Чавой енто за службу? Я ж, поди, ужо не стрелец, а вольный казак!

– Ыть! За слово поймал, чертяка! – Разин похлопал его по спине. – Гей, Филька! А ну, разыщи усех ясаулов! Слово им баять желаю!

Лагерь, словно муравейник, засуетился перед отплытием. Казаки грузили на струги недавно награбленное добро и провизию, сгоняли лошадей на противоположный берег. Разин

с удовольствием смотрел на это зрелище, вдыхая полной грудью степной весенний воздух. Высокое солнце в чистом лазурном небе уже пылало жаром, заставляя людей сбрасывать тулупы и оставаться в исподних рубахах.

Волга, полностью освободившаяся ото льда, по всей своей ширине украсилась десятками стругов. «Сякого флоту я исчо не видывал!» – радостно восхищался Разин. Перед отплытием он ещё раз надел шлем, и теперь уже будто бы услышал чёткий голос: «Вперёд, атаман! Теперь только вперёд! Тебя ждут славные дела!»

6. Родовая легенда

За окном старой дребезжащей «Газели» проплывали бескрайние волгоградские степи. В салоне было душно, приоткрытые окна и люк не спасали. В июле температура в городе и области могла подниматься до сорока градусов, в августе же достигала не больше тридцати. Но Игорю, привыкшему к сырому и прохладному климату Санкт-Петербурга, она всё равно казалась очень высокой. Он то и дело вытирал со лба горячий пот и прикладывался к бутылке минеральной воды. Ещё недавно вода была ледяной, только из холодильника, но после двадцати минут езды уже казалась тёплой.

Спутники Игоря шумно разговаривали, обсуждая привычные им темы. Рюкзаки и разобранные байдарки в чехлах иногда позвякивали, когда колёса транспортного средства насккивали на очередную колдобину на дороге. Звуки эти, смешиваясь с голосами пассажиров, отливались своеобразной походной мелодией. Только веселей от этой мелодии Игорю не становилось.

Ещё несколько часов назад он сидел на скамейке у вокзальной площади Волгограда, понуро опустив глаза. Ольга обманула его...

Больше полугода Игорь жил предстоящим походом, возлагал на него все свои надежды. «В походе я проявлю себя с самой лучшей стороны! И как-нибудь вечером в тихой и романтической обстановке я во всём ей признаюсь! И она ответит взаимностью! Да, иначе быть не может... А потом? Уговорю её переехать в Питер! Да, уговорю... И мы станем жить вместе». Таковы были его мечты...

Игорь считал свои отношения с Ольгой полностью доверительными, думал, что она рассказывает ему в частых переписках все свои мысли, даже самые сокровенные. Он был уверен в этом. А вышло иначе...

Он приехал в Волгоград, ожидая встретить Ольгу на вокзале и в тот же день отправиться в поход вместе с её друзьями. Так они договорились. Но когда прибыл его поезд, а девушки нигде не было, Игорь позвонил ей и услышал роковые для себя слова. Причём эти самые роковые слова Ольга произнесла самым непринуждённым голосом: «Извини. У меня немного поменялись планы. На этой неделе я буду занята, потому и в поход не пойду. Я тебе напишу телефоны ребят, встретишься с ними...»

Игорь не находил себе места. Так поступила с ним девушка, которую он любил. «Пусть её чувства не были взаимными», – рассуждал он, – «Но должна же была существовать и дружеская солидарность, уважение...» Конечно же, он никуда бы не поехал, если бы знал, что Ольга откажется от этого мероприятия в последний момент. «Она ведь знала всё заранее!» – теперь с горечью понимал он, – «Знала, но не предупредила меня. Неужели, она думала, что этот глупый поход для меня важнее, чем она?! Неужели не понимала, что я приехал сюда из-за неё?! Может, она никогда и не воспринимала меня как мужчину, но зачем поступать так жестоко?!» Игорю хотелось заплакать, он еле сдержался. Грустный, разбитый, он прошёлся по вокзальной площади и приземлился на грязную скамейку. Ничего не хотелось! Разве что напиться.

Он приподнял голову, в глаза бросился огромный баннер «Царицын – Сталинград – Волгоград приветствует вас!» «Вот так вот», – подумал Игорь, – «Город, сменивший несколько названий, приветствует меня от лица каждого из них, а самая дорогая мне жительница города даже не захотела со мной встречаться...». Вернее Ольга не говорила ему, что не хочет встречаться, она сказала, что не может, что занята. «Не может! Занята! Тогда зачем было поддерживать это ненужное общение!» – негодовал Игорь, – «Я проехал почти две тысячи километров, а она занята!.. Она просто сравнила меня с дерьмом, как будто я недостоин простого внимания...»

Ольга была для него запретным плодом, целью, которой он хотел достичь во чтобы то ни стало. Совместный поход, по мнению Игоря, для этого подходил как нельзя лучше. Только демонстрируя свои лучшие черты в необычных условиях, как предполагал сам, он мог произвести на Ольгу такое впечатление, которое бы заставило поменять представление о нём, показать себя в ином свете. И тогда бы их отношения могли перерасти в нечто большее, чем просто дружба. А сейчас он мало того, что потерял всякую надежду на какие-либо сдвиги, так ещё и перестал быть уверен, что он с Ольгой вообще дружил. «С друзьями так не поступают. Даже не с друзьями, вообще с людьми... В её глазах я – ничтожество...»

Ни в какой поход идти уже не хотелось. Но обратный поезд, на который у Игоря были куплены билеты, отправлялся в Петербург только через две с половиной недели. Он, конечно, мог их сдать, добавить ещё немного денег и купить обратный билет текущим днём. «А если дешёвых плацкартных билетов не осталось, то можно добраться до Питера на автобусах, через Москву!» – также знал он, – «Жутко неудобно, но очень выгодно по деньгам».

Однако возвращаться домой сразу же после отъезда ему не хотелось ещё больше. Не хотелось объяснять родителям причину своего возвращения. Не хотелось, чтобы над ним подшучивали друзья, а тем более жалели. Жалость окружающих всегда его раздражала больше насмешек. А он познал в своей юности и то, и другое.

Игорю пришлось звонить по присланным Ольгой телефонным номерам и договариваться с участниками похода о встрече. Они должны были отъезжать через несколько часов от волгоградского автовокзала на арендованной «Газели». Автовокзал находился в пяти минутах ходьбы от железнодорожного, у Игоря в запасе было время, чтобы немного прогуляться по городу. Время было, зато не было настроения. Он предпочёл длительное ожидание на одном месте.

Новые знакомые приняли его ни тепло, ни холодно. Ни с кем из участников похода Игорь не был знаком. Все хорошо поприветствовали его, представились, хотя имена сразу же вылетели из памяти Игоря, но далее сосредоточились на общении друг с другом. Эта компания уже давно сформировалась в одном из волгоградских туристических клубов, и у каждого имелась куча тем для общения с одноклубниками.

А Игорь всё молчал. Потрёпанная «Газель» везла их уже довольно долго, и он, прислушиваясь к разговорам спутников, пытался запомнить всех, а также найти какие-либо зацепки для общения.

«Так... – обводил он взглядом пассажиров, – Нужно выучить всех по именам...»

Самый разговорчивый, с красными щеками – это Паша. Постоянно смеётся, рассказывает анекдоты, шутит при девушках, иногда на грани. Главный юморист и рубаха-парень. Душа компании, все его любят.

Дима, видимо, его лучший друг. Гораздо более спокойный, но очень добродушный и улыбочивый. С густыми чёрными волосами и сросшимися бровями, под носом растут уже довольно грубые усы. Пришёл на место встречи с гитарой, значит, поёт и играет для всех, тоже центровая фигура.

Игорь, мой тёзка, самый старший из всех. Если остальным ребятам лет по двадцать, как и мне, то ему за тридцать точно! С длинными волосами и бородой. Рюкзак и костюм у него, похоже, самые дорогие, из профессионального туристического снаряжения, когда на остальных дешёвый камуфляж и прочая одежда, которую не жалко испачкать и испортить.

Лена и Вика – самые красивые из девушек этой компании. Вообще красавиц здесь нет! У всех изъяны! Но эти две выглядят лучше остальных. У Лены бледное лицо, сухие русые волосы, завязанные хвостиком, и тонкие усики под носом, зато стройная фигура, сочные груди и бедра. Если бы вместо походной одежды она бы оделась во что-то более красивое, а ещё воспользовалась бы косметикой, то, наверное, от неё было бы глаз не оторвать. У Вики более

грубая фигура, талия чуть шире, а бёдра чуть уже, зато она смотрится как-то более раскованно, доступно, может быть.

А вообще, пока сидел на вокзале, столько красивых девушек видел. Ещё и жарко, на всех минимум одежды. Так что, эти две не сравнятся с прочими волгоградками...

Да и Оля эталонно красивой никогда не была! Что я в ней нашёл? Круглое лицо, маленькая, почти плоская грудь, вся такая тощая... Но глаза... Конечно, глаза. Большие, серо-голубые. До сих пор стоят в памяти! Люблю её!..» – невольно мысли Игоря постоянно устремлялись к девушке, которая столь подло обошлась с ним. Как ни хотел он эти мысли отогнать, всё равно они возвращались. Душевная рана была слишком свежей. Он попытался снова сосредоточиться на своих спутниках и не думать об Ольге.

«Вот Настя. Вроде симпатичная лицом, такая улыбочивая, разговорчивая. Но довольно полная. Краем уха услышал, что занимается тяжёлой атлетикой. Зачем? Зачем девушке тяжёлая атлетика?! Лучше бы занималась подвижным спортом, может, стала бы более стройной, красивой...

А Света вообще самая страшная! Прямоугольное лицо, подбородок кирпичом, ровные щёки и скулы, на них прыщи. Ещё короткая стрижка! Так совсем на мужика похожа! Формы – никакие! У неё, наверное, и парня-то никогда не было!

Женя кажется самым молодым, лет семнадцать-восемнадцать. Ниже всех ростом. Конопатый, с рыжими волосами. Голос как у ребёнка, да и выглядит также, младше своих лет. Говорит про институт, хотя я бы подумал, что учится ещё в школе. Но вроде довольно бойкий.

А вот Антон самый зажатый. Всё время молчит. Отвернулся ото всех. По внешности – типичный ботаник. Наверняка, жутко занудный, если начать с ним о чём-то говорить.

Саша чуть выше и крепче всех остальных. Но немногословный, и улыбается редко. Ваня – самый неприметный. Вроде бы общается со всеми, но внимания ему отводится мало. И по внешности такой же. Нет каких-то запоминающихся черт. Да уж, его неприметность – это первое, что запоминается.

И Стас – руководитель похода! Тот самый знакомый Оли, который это мероприятие и затеял...»

Негативное отношение к Стасу родилось у Игоря ещё до начала похода. Когда он спрашивал Ольгу о том, какие отношения её связывают с этим знакомым, она отвечала, что тот для неё близкий друг. «Насколько близкий?» – задавал сам себе, не ей, вопрос Игорь. Он просматривал по социальным сетям, как близко Ольга и Стас общаются, отслеживал их публичные обмены комментариями, просматривал фотографии, где они были вместе. И Игоря охватывала ревность. Точного ответа он не мог получить, дружба ли это, или что-то большее. А напрямую спросить Ольгу не решался. Он вообще спрашивал о её личной жизни как-то косвенно. Потому что боялся. Боялся, что у Ольги до похода появится парень. «Может так есть?» – думал он теперь, – «Просто я об этом не знал... Нет! Она же мне говорила, что не хочет пока ни кем заводить отношений! А Стас? Стас... Странно, у этих туристов, судя по разговорам, такая состоявшаяся команда, а Ольгу здесь никто не знает. Значит, Стас её намеренно звал! Хотел, чтобы она пошла. Зачем? Сомневаюсь, что из-за профессиональных навыков. Сомневаюсь, что походникам нужен психолог! Выходит, он тоже многое возлагал на этот поход в плане... Как и я...»

Он не заметил, как в салоне, повисло молчание. Видимо, желая его разрядить, Настя, самая разговорчивая из девушек, обратилась к Игорю:

- А где ты в Питере живёшь?
- А? Я? – Игорь включился в разговор, размышления его оборвались.
- Да, у меня там много друзей живёт! – продолжила бойкая девушка.
- На Гражданском Проспекте.
- Не знаю, где это.

- Это на северо-востоке, на окраине.
- А чем занимаешься там?
- Я... я дизайнер, по свободному графику подрабатываю. Музыкант ещё непрофессиональный. А учусь в Политехническом...
- О, а я в Волгоградском Политехническом учусь, – вмешался неприметный Ваня.
- Музыкант – это круто! – продолжила Настя, – А на чём играешь?
- На всём понемногу. В последнем нашем проекте на басу.
- О, так у тебя своя группа есть?
- Ну, не группа, так – проект. Уже не первый, но так и не раскрутились... – Игорь сейчас почти врал, весь его проект состоял в том, что он собрал музыкантов для исполнения собственных песен, но первая репетиция стала же последней.
- А что играете? – не унималась девушка.
- Песни... Разные... Мои...
- Твои песни?! – она прямо таки расцвела, – А поиграешь в походе?
- «Неужели я ей так понравился? Или она со всем так общается?».
- У меня же инструмента нет, – ответил он.
- Так Дима же свою гитару взял!
- Ну, хорошо... – безразлично ответил Игорь и краем глаза посмотрел на самого Диму. По выражению лица того было видно, что он не в восторге от предложения давать гитару для выступлений незнакомого раньше человека.
- Опять повисла небольшая пауза. Прервал её Игорь, тот который был самым старшим.
- Пока есть возможность, Стас, может, ещё раз расскажешь всем про поход, про его цели, про поведение. А то вот у нас пополнение внеплановое есть.
- Не здесь, – Стас ответил резко и показал пальцем на водителя, – Дам инструктаж перед тем, как на воду будем спускаться.
- Почему это я – внеплановое пополнение? – обиделся Игорь из Петербурга, – Мне Ольга ещё в прошлом ноябре про поход рассказала! И мы решили... То есть я её попросил...
- Просто она про тебя мне в последний момент сказала... – развёл руками Стас, как бы оправдываясь.
- *Держать информацию про поход в тайне...* Ну-ну, – Игорь-старший упрекающе посмотрел на руководителя похода.
- Слушай, я уже говорил, что нам нужен был психолог! – жёстко, даже как-то нервно, ответил тот.
- Угу, ну и где твой психолог? – Игорь-старший не унимался.
- Хватит уже! – опять огрызнулся Стас.
- Просто обидно, – вступилась Настя, – Ты нам все уши прожужжал этой секретностью, а сам вот...
- Так! Всё! Я сказал, хватит! Все споры на месте! – Стас дал понять, что больше не собирается разговаривать на эту тему, по крайней мере, в дороге.
- «У него с Ольгой явно что-то было!» – теперь уже был твёрдо уверен Игорь.
- Водитель высадил туристов у моста через небольшую речку Арчеду.
- Сейчас мы возле федеральной трассы, – объявил Стас, – Рядом хутор Ветютнев. Мы же должны пойти по Арчедо вниз. Идти можем долго, река почти пересохла. Но первым делом мы должны отойти как можно дальше от Ветютнева! Пока пойдём шагом, нерасчехлённые байдарки потащим на себе. Пройти нужно хотя бы километров десять! Подальше от людей. Думаю, на воду встанем только завтра!
- Все молча во всём соглашались с руководителем похода. Игорю пока не было понятно, зачем они тащат с собой байдарки, если река пересохла и почему тот тайник Разина нельзя отыскать в пешем походе. Но он ориентировался на остальных участников.

Жара стояла невероятная. Игорь понял, что так кажется не только ему. Коренные волгоградцы и матёрые туристы тоже проклинали палящее солнце. Температура уже явно зашкаливала за тридцать. Все спутники Игоря были загоревшие и смуглые. Солнце пекло их кожу уже несколько месяцев. А петербуржец был светлокож, почти бледен. Его предупреждали, что он сильно обгорит. Приходилось мириться. Никакого специального крема от загара Игорь не брал.

Переход был утомителен. У каждого участника было по огромному тяжёлому рюкзаку, а каждый парень ещё тащил на себе по брезентовому мешку с разобранными запчастями байдарок. Их было пять, три – трёхместные и две – двухместные, каждая раскладывалась на два мешка, в один – алюминиевый каркас, в другой – шкура, лопасти вёсел и сидения. Десятый мешок тащила Настя.

Но та была физически крепкой и подготовленной. А Игорь отставал даже от неё. Для него груз был слишком тяжёл, а подобный переход – непривычен. Его жутко раздражало, что впереди него бодро шагает девушка, пусть не самая хрупкая, что подобный груз тащат на себе забитый Антон или маленький Женя, а он, новичок в компании, сразу же показывает себя слабым. Игорь пытался ускорить шаг, нагнать опережающих, чтобы идти с ними в ногу. Но подобные рывки отнимали у него ещё больше сил. И он всё больше отставал.

Через время, показавшееся Игорю вечностью, а на деле длившееся только час, Стас объявил привал. Когда команда уже располагалась в тени небольшого перелеска, её новый член отстал уже почти на двести пятьдесят – триста метров. Игорь тяжело сделал последние шаги, сбросил себя чехол с байдаркой и рюкзак и тоже рухнул под дерево.

– Это с непривычки! Бывает! – подбодрил его Паша, похлопав по плечу. Кто-то подал Игорю бутылку с водой.

«А может и хорошо, что Оля этого не видит?» – подумал он. Но после добавил сам себе: «Нет, я должен быть сильным, раз подписался на это! Я должен идти через силу, я должен быть не хуже других!»

Стас объяснял план дальнейших действий:

– Идём ещё около часа, а как начнётся лес – разбиваем лагерь! Байдарки собираем сегодня и ложимся рано! Завтра выходим по воде ранним утром. А днём, где-то с двенадцати до четырёх придётся делать перерывы, идти по такой жаре будет невозможно. Ещё и мошкара со слепнями закусает, хотя их, конечно, уже меньше, чем в июле...

– Можно вопрос? – переводя дыхание, спросил Игорь.

– Ну... – ответил Стас.

– А зачем мы пошли с байдарками, если не будем плыть по хорошей воде, а продираемся по пересохшей реке?

Несмотря на усталость, он постоянно смотрел на Арчеду по время перехода. Воду практически не было видно за бесконечными зарослями камышей. Как здесь может пройти байдарка, Игорь вообще не представлял, хотя никогда никуда на байдарках до этого не ходил.

После его вопроса остальные спутники вопросительно посмотрели на Стаса. А Игорь-старший продолжил разговор, начатый в дороге:

– Так, Стас, тогда и я опять повторю свой вопрос. Зачем нужна была такая секретность всего нашего мероприятия, если вот пришёл человек и даже не знает, куда мы идём?

– Искать клад Степана Разина! Это я знаю! – вмешался Игорь.

– Это и всё, что ты знаешь... – буркнул его тёзка.

– Да что вы привязались к парню, – заступилась всё та же Настя, – Не видно, что его подруга подставила? И не его одного!

– Да, моя вина! – парировал Стас, – Ошибся в человеке! Я просил её не сообщать никому, оказалось, не стоило доверять... Просто был нужен психолог...

– Слушай, хватит уже про психолога! – опять злобно влез Игорь-старший.

– Просто ты хотел, чтобы она тебе дала и не знал, как подкатить! – завершил его мысль Паша.

Игорь сжал кулаки, но старался не подавать вида, что негодует внутри. «Всё-таки просто хотел...» – успокаивал себя он.

– Ну... Может быть, это тоже... – засмутился Стас.

– Мы твои друзья, и мы тебя никогда не подводили, – продолжала Настя, с укоризной, но по-доброму, по-свойски – Видишь, никто из нас даже не проговорился. А ты про это напоминал нам почти через день!

– Угу, – добавил Дима, – А чтобы впечатление на какую-то девку свою произвести, сразу всё ей и выложил.

– Простите меня, я был не прав по отношению к вам! – громко и чётко сказал всем Стас, видимо, желая поскорей закрыть эту тему.

– Ладно, нормально всё! – сказал ему Паша, – Просто не поступай так больше. Мы, всё-таки, друзья. Хорошие друзья. А друзьям надо верить...

– Хорошо. Простите меня ещё раз, – добавил Стас.

– Ну, а с парнем что? – указал Игорь-старший на гостя из Петербурга.

– Что-что... Расскажем всё ему! – отрезала Настя, – Он уже с нами.

– А если он... – не унимался мужчина, – ... подведёт?

– Слушайте! – вскочил Игорь, – Ну, хватит уже! Зачем тогда с собой в дорогу взяли! Оставили бы лучше на вокзале!

– Он прав! – заметил Дима. – Стас, раз уж ты взял его, то объясняй тогда, что к чему!

– Да, хорошо-хорошо, объясню сейчас... И вы, – Стас обратился ко всем, – ещё раз послушайте меня.

– Давай уже... – поторопил Игорь-старший.

– Я вам уже рассказал свою семейную, даже, точнее, родовую, легенду про клад Степана Разина. Можно сказать, поведал самое сокровенное. Историю эту рассказал мне дед, ему его отец, тому его отец и так далее... Дед это и моему отцу рассказывал, но тот всерьёз не воспринял... Как дед сказал, времена такие пошли. Отцу нужен спокойный быт и квартира в Волгограде, а не родовые легенды... В общем, наш род хранил веками легенду о тайнике Разина. И каждый отец должен был пересказывать сыну. Вот и дед мне рассказал, и взял обещание, чтобы я своим потомкам рассказал. Только я тогда вопрос задал, а для чего мы эту тайну храним, передаём из поколения в поколение. Дед ответил, что клад должен достаться самому достойному человеку, а пока такой не родился. А когда же родится, хранитель этой тайны должен будет ей с ним поделиться. Я в ответ спросил, а как же этого достойного определить. «Да его сразу можно будет узнать!» – отрезал мне дед. «А если кто-то из нашего рода сам себе этот клад возьмёт?» – спросил я. «Ты, Станислав, даже думать о таких вещах не смей!» – дед тогда так ударил кулаком по столу, что я аж испугался, – «Не наше это дело», – говорит, – «За тем кладом ходить...»

– А дед не врал?.. – робко спросил Игорь.

– Врал??? – почти изумился Стас.

– Ну не врал... – поправился Игорь, – А всякие там деревенские рассказы... Он же в деревне живёт?

– В станице... – буркнул Стас.

– Ты его деда не знаешь! – усмехнулся Паша, – Он суровый! Ветеран Великой Отечественной! Такому не до шуток.

«Вот у него на войне, видимо, рассудок малость и повредился...» – подумал про себя Игорь.

– А почему вы тогда решили этот клад найти, если дед запретил? – спросил он.

Стас поморщился.

– Разговоримся – объясню. Не сейчас.

– А сами вы верите в этот клад? – продолжал задавать вопросы Игорь.

– Не верили бы – не пошли, – завершил Стас, – Но если ничего не найдём – не расстроимся. До нас кто только клады Разина не искал...

– Но родовая легенда только у тебя...

– Хе, – усмехнулся руководитель похода, – Выходит так! Поглядим! Ну всё, Игорь! Ты теперь один из нас!

– И тайну похода храни не так, как твоя подруга, – сказала Настя слегка приобняв его за плечи.

«Всё-таки я ей понравился!» – подумал Игорь.

– А зачем байдарки-то?! – задал он вопрос с которого начал, – Как мы пойдём по такой реке...

– Как Разин ходил, – улыбнулся Паша.

– По легенде по суше туда нельзя пробраться... – пояснил Стас, – Но это мы ещё посмотрим! Ладно! Что-то мы засиделись! Привал окончен, пошли!

Подниматься было тяжело. Тело ныло от нагрузок. Плечи болели от лямок рюкзака и чехла. Но зато Игорь почувствовал воодушевление оттого, что новая компания приняла его. Теперь, несмотря на тяжесть и пришедшую усталость, он не отставал от других. Через силу, но шёл вровень со всеми. С Настей он стал флиртовать в ответ, хотя сначала она ему не слишком понравилась из-за фигуры и габаритов. Зато она первой вступилась за него...

«А насчёт Оли я поговорю со Стасом сам... Чуть позже, когда побольше с ним сблизюсь».

Через час туристы уже добрались к лесу, где и расположились на ночлег. Впервые в жизни Игорь ставил палатки, он спрашивал у всех советы и старался быстро научиться тонкостям походной жизни. Единственный не нравившийся ему человек, его тёзка, в этот вечер был дежурным по костру. Девушки готовили на всех еду. Игорь присоединился к остальным мужчинам, собиравшим байдарки. Конечно же, он это тоже делал впервые. Но новые товарищи по походу давали подсказки, и у Игоря начало получаться.

За ужином из гречки с тушёной была открыта три бутылки коньяка. Молодые люди пили за успешное начало похода. Когда стемнело, Дима достал гитару, и туристы стали петь песни. К счастью Игоря, Настя не напомнила ему о своей просьбе.

А вообще он был счастлив. День, который начался столь отвратительно, кончался тепло и душевно, в компании новых друзей, которые в итоге приняли его в свои ряды.

7. Яицкий городок

Алёна смотрела в ночь сквозь узкое, наполовину заиндевевшее окно терема, некогда принадлежавшего воеводе Яицкого городка. Сейчас, после захвата крепости, Разин разместил в тереме командный пункт. Опочивальню воеводы он забрал себе, а в приёмных покоях проводил совет. Алёне он отдал покои дочерей воеводы. Было лестно чувствовать такую заботу от атамана. Она была одним из ясаулов, но единственной среди них бабой. Однако прочие ясаулы её уважали, как и остальное войско. Похабные шутки очень быстро прекратись. Алёна обладала суровым характером и сильной волей, которые заставили казаков смотреть на неё с уважением, а не с вожделием.

С её людьми, теми, с которыми она пришла к Разину, сладить было ещё проще. Все они раньше были крепостными крестьянами, робкими и покорными. Нередко здоровых мужиков побивали бабы-помещицы, а те даже не могли им ничем возразить. Вернее, думали, что не могут... Большинству угнетаемого народа даже в голову не могло прийти, что в ответ на побои, на посягательства можно было взять в руки оглоблю, вилы, серп и дать сдачи. А потом уйти куда угодно. На Дон, на юг, в Сибирь, к поморам, в степи... Однако забитый люд прирос к своим убогим избам и дворам, терпел унижения... И просто не понимал, что может существовать иная жизнь, свободная.

А Алёна однажды поняла... Она поначалу тоже не знала об это вольной жизни. Родилась в бедной крестьянской семье, отец умер рано, мать постоянно болела, от младших братьев и сестёр проку не было, а для старшего брата она была больше обузой, чем помощницей.

Жизнь текла убого и серо. А в мире только и было интересного, что зимы меняли лето, да в церкви объявили, что люд отныне должен креститься тремя перстами, а не двумя. Зачем, Алёна не знала. Раз поп объявил, что нужно, значит, это и нужно было в самом деле.

А ещё Алёна задавалась вопросом, почему она такой уродилась. И находила ответы на тех же проповедях местного попа. Он говорил: «Таково надобно! На всё воля божья! Всяк родилси тем, кем быть должен и всякому воздастси на верховном суде по делам его!»

Вот Алёна так и жила. Потому что так было надо. Она не могла сказать ни слова против, когда её, малолетнюю девочку выдали за шестидесятилетнего старика. Она знала, что должна молча согласиться, раз мать и старший брат решили именно так. Никто боле не брал бедную девочку без приданного. Не прошло и года, как муж умер. Зачать ребёнка за это время так и не получилось. И Алёну отправили в местный Темниковский монастырь на послушание. В скором времени Алёна должна была принять обет.

Жизнь в монастыре была скучна и однообразна. Скучнее, чем в родительском или мужнином доме. Пусть Алёна и жила в убогой избе, где из добра были лишь печка, лавка, комод, да пара кадок с горшками. Но избе в всегда было светло и тепло. Грела печка. Бревенчатые стены источали сладковатый запах дерева и леса... А когда Алёна выходила из избы, то видела настоящий простор, родные поля и леса, волжские разливы, голубое небо и страшные грозы, золотые листопады и ледяные узоры зимы. В монастыре она же могла мало что созерцать, кроме холодной кельи и толщи стен, за которыми скрывался прочий мир.

Однако там Алёна быстро выучилась грамоте и стала читать книги, хранившиеся в монастырских архивах. В основном это были нудные хозяйственные летописи, но даже из них она смогла узнать, что её страна велика, что есть в ней много сёл и городов, прочих монастырей, а царь, о котором говорит простой люд, но которого она не представляла реальным живым человеком, на самом деле существует и живёт в Москве; Москва – это стольный град, что выложен из красного кирпича; но помимо Москвы, что стоит на Руси, есть на свете много всяких разных земель, где живут другие люди и говорят на других языках. Но самое главное, что

поняла Алёна, это то, что в мире полно вольных людей, которые не зависят от бояр и живут сами по себе.

– Пошта ж одне люди вольные, а иные – нетуть? – спросила тогда Алёна настоятельницу.

– Эх, дурёха, ты ышо! – ответила ей та, – Нетуть на свете вольных людьёв! Все мы божьи рабы! И божью волю вершим!

Всё толковалось так, как на проповедях в маленькой церквушке, куда ходила Алёна будучи ребёнком. Почти те же слова её говорил старый поп... Но теперь вопросов у Алёны было куда больше.

– И бояре? – опять спросила она у настоятельницы.

– Ясен день и бояре!

– А я вчерась видала, аки на дворе у нас секли мальчонку по повелению барыни...

– Дык, он у ей сласти стащил! И где?! Под сводами дома святого!

– И чавой, коль боярыня мальчонку порет, то она дело богоугодное вершит? И богу любо сиё?

– Знамо дело любо! Всё, чаво вершитси на земле, богу – любо!

– Таково ежели я барыню ту захочу высечь и высеку, дык енто тож богоугодное дело будет? – робко и непонимающе спросила Алёна.

Она просто хотела, чтобы настоятельница ей растолковала, почему одно выдают за благо, а другое за злодейство. Но сразу же получила затрешину, такую сильную, что в голове зазвенело. Вечером настоятельница вернулась к Алёне с двумя холопами, которые раздели молодую послушницу и привязали к лавке. Затем настоятельница приказала высечь Алёну. «Таково шта б на всю жизнь помнила». Приказ был исполнен.

Несколько недель Алёна пролежала в горячке в сырой холодной келье. Она не могла даже присесть или повернуться на спину. Сзади вся её плоть была теперь изъедена красными кровавыми рубцами. Алёне приносили только чёрствый хлеб и воду. Сердобольная монахиня, ухаживающая за ней, гладила её по голове, приговаривая: «Сиё не страшно, дитятко, тело страждет, а душе – исцеление. Зато ноне станешь чистой да светлой! А то ить лукавый путаеть тябя!»

Алёна плакала от бессилия, от осознания своей участи, унижений, которых ей придётся терпеть всю жизнь.

Но она, не смотря ни на что, окрепла и смогла подняться с постели. Когда же снова встретила с настоятельницей, та вполне невинно и добродушно спросила её: «Ну, чавой, дитя, покаяться время пришло...» Алёна сквозь зубы покаялась, но для себя уже решила, что никогда не простит этой обиды.

Один раз она снова увидела на монастырском дворе тех холопов, что секли её. Они были очень похожи друг на друга, наверняка братья, рослые и плечистые, но очень кроткие. Одного из них подвергали наказанию, та самая барыня, которая недавно высекла на глазах Алёны мальчонку, теперь стегала плетью здоровенного, мужика приклонившегося перед ней на колени. Второй молча стояла рядом.

– Ах ты, пёс! Ах ты, рыло немытое! – причитала боярыня с каждым ударом кнута, – Позорить мени будешь! До смерти бы тябя, нехристь, запороть! Да негоже подворье святое осквернять!

Алёна нашла братьев некоторое время спустя на конюшне. Один возился с сеном в стойле, а второй, которого пороли, сидел, покряхтывая, на полу и тёр свежие рубцы.

– Ну, получил своё? – спросила Алёна.

– А? Чавой? – отозвался стенаемый.

– Чавой-чавой! Аль забыл, аки мени порол! Да и тябя баба била! А ты, мужик, аки мени стегал?

– Да велено мени таково было... – смутился детина.

– Чавой пришла-то? – вышел из стойла второй, – Ступай ужо, молись, а то опять под розги отправять...

– А мени под розги ноне не хочетси! – гордо отрезала Алёна.

– Дык кому жо хочетси?.. – вздохнул сидевший на полу.

– Тябя аки звать-то? Я – Алёна буду.

– Я – Тихон, – пробурчал он, – А брате – Пётр...

– Тссс! – приложила Алёна палец к губам, – А ну, ближе!.. – Двое братьев придвинулись к ней, – А ведомо вам, – Начала она шёпотом, – Шта люд может вольно жить, да бояре не властны над ними...

– Дык, енто опосля божьего суда... – начала Тихон.

– Дурень! Енто на земле таково может быть! В соседних краях...

– Да ну? – удивился тот.

– Опасны речи говоришь, сестра, – начал Пётр, он был более молчалив и не казался Алёне таким простаком как Тихон, – Не можно нам про сё толковать... Нашо дело малое... А коль обиду таишь на нас, то прощай, не мы виноватые...

– А кто? Я виноватая? – продолжила напирать Алёна.

– Ну... виноватая, раз настоятельница повелела боярыне нас со двора прислать... Настоятельница, она ить худого не скажет... Она ить...

– ...срань собачья! – резко договорила Алёна, и братья отшатнулись от неё.

– Гыть! – Тихон в испуге перекрестился.

– Дурное дело! Ты, сестра да послушница, сквернословишь в монастыре своём... И ышо и про мать-настоятельница, – добавил Пётр.

– А мени почём зря бить не дурно?

– Дык, таково жо заведено! – Пётр не унимался.

– Толкую ж тябе! Не везде таково! На вольных землях всё иначе! Вот, Тихон, пошта тябя секли?

– Да енто... Я семь бочонков смастерить должен был для монастыря. А не поспел в срок... Но вины моей не было, ить покудова мне клёпок не дали, я и мастерить не мог... А кузнец-то сам не поспел клёпок сделать. Вон оно... А вина на мени...

– Дык, аки же на тябе, ежели ты не виноват.

– Она – барыня... Молвит мени: я настоятельница обещала, шта холопья смастерят, а ты не смастерил... Барыня – она права...

– Да почём права-то?! – уже просто свирепела Алёна, – Её вина! А она виноватым тябя делает! Смекаешь?

– Ты, Алёна, чавой хочешь с нас-то? – вмешался Пётр.

– Ай-да на вольные земли! Где бояр нетуть! Мени единой тяжко будет, а вами вместе дойдём...

– Боярыня не пустит... – возразил Тихон.

– Ой! Дубина! Дык не нужно спросу брать!

– Грех – это...

– Грех невинных забижать! – настаивала Алёна, – Боярыня ваша грешна! И настоятельница грешна! А мы – то бишь – праведники! – она придвинулась к ним ближе и сказала уже тихо-тихо, – А ежели праведники грешников резать стануть, значитьси таково господу угодно...

Братья удивлённо переглянулись, но спрашивать ничего не стали.

– В сию полночь жду вас тутова, в конюшне! Трёх лошадей найдём... Врата запираются, да стражей тамо нетуть. А я вам калитку отворю железную, ту, со стороны холма...

Ночью Алёна пробралась в келью настоятельница, спрятав под ряску огромное шило, что взяла в мастерской.

- Чавой надобно?.. – сквозь сон проворчала монахиня.
- Я по богоугодному делу, матушка... – начала Алёна.
- И чавой за дело?.. – вновь заворчала она.

Келья была озарена слабым лунным светом, свечи были затушены, лучина не горела. Тёмный силуэт Алёны медленно приближался к постели настоятельницы.

- А ну, отвечай, чавой надобно! – негодуя, вскрикнула та.
- Низвергнуть тябя, отродье адское! – грозным голосом предрекла Алёна.

– А? – не поняла настоятельница, но тут же на неё обрушилась рука послушницы с зажатым в ней шилом.

– Во имя отца! – Алёна нанесла первый удар, – И сына! – Второй, – И святага духа! – Третий. – Аминь!

Настоятельница только охнула после первого, а дальше из её горла фонтаном хлынула кровь. Два других удара она приняла только с глухими хрипами. Алёна вышла из кельи, оставив умирающую на окровавленной постели. Пётр и Тихон вопреки её сомнениям уже ждали на конюшне. Мало того, что они не струсили, так ещё и, вспомнив все обиды, порешили свою барыню.

Погони было не избежать. Чтобы сражаться с боярскими слугами, а то и стрельцами, Алёна с братьями стали набирать к себе в шайку всех желающих, попутно грабя купцов и богатых помещиков. Так гуляли они на средней Волге, пока однажды не двинули на юг.

К Разину пришёл уже большой сплочённый отряд. Алёна была в нём единственной бабой. Но все мужики, примкнувшие к ней, считали её спасительницей и заступницей, даже те, кто был старше и сильнее телом. Но не было никого сильнее духом...

Алёна со своим отрядом отправилась в Донские земли, ещё не представляя, что их там ждёт. Она, как и никто из беглых холопов, не видела прочего мира. Кто такие казаки, все знали только понаслышке. Знали, что это военный народ, вольный от царя и имеющий свои привилегии. Но про быт и образ жизни казачества никто толком ничего не знал.

Продвигаясь с Волги в северные Донские земли отряд Алёны встречал множество оборванцев и беглецов, таких же, как и его участники. Там-то впервые до атаманши донеслась народная молва о том, что некий Степан Тимофеевич, истинный донской казак, суровый и бесстрашный, гордый и справедливый, собирает воинство в поход за зипунами. Алёне были неведомы отношения голутвенных и домовитых казаков, положение верховного Круга, отношение простых казаков к атаману Корниле Яковлеву. Зато она прекрасно видела своими глазами, что когда речь заходила о Разине, каждый рассказчик необычайно преображался, всегда отзывался о нём, если не с восторгом, то с безмерным уважением... Где на Дону основаться, кого просить о помощи, кому присягать, Алёне было неведомо, потому она решила присоединиться к походу этого народного атамана.

Пока Алёна продвигалась к лагерю Разина под Царицыным, она нарисовала в своих фантазиях образ непобедимого воина, честного, справедливого и, конечно же, прекрасного душой и лицом. Всю жизнь Алёна терпела лишь оскорбления и унижения, и даже сейчас, будучи атаманшей, но в глубине души оставаясь мечтательной девицей, она выдумала героя, который мог наконец-то принять и защитить её. Свою волю, своё право на существование Алёна добыла сама, отчасти став жестокой и безжалостной. Но при этом она всё равно хотела какого-то простого девического счастья, такого, о котором она даже не ведала. Не знала, каким это счастье может быть. Просто чувствовала, что оно есть.

Разин, действительно, оказался первым, кто стал заботиться об Алёне, иногда защищать. Не все казаки сперва приняли Алёну, как ясаула. Посмеивались, похабно шутили. Она сама пресекала подобные разговоры и шёпотки, но и Разин, если слышал что-то подобное, сразу ставил казаков на место. Когда требовалась грубая мужская сила, например, приходилось налегать на вёсла, или тащить струги волоком, атаман не гнушался помогать своим казакам, призывал

к этому прочим ясаулов, но Алёну жалел, видел, что по силе она не всегда сдуживает с прочими. Вот и сейчас, в Яицком городке, он снова позаботился о ней, отдал покои воеводских дочерей, с нежными перинами, зеркалами и оставленным добром. Но это была скорей братская забота. Разин принял Алёну, как младшую сестру, советницу, толкового ясаула... Да и сам он теперь виделся Алёне обычным человеком. Он был таким же гордым, сильным, дерзким, как в народной молве, но человеком, самым простым человеком, а не тем величественным богатырём, которого нарисовала в своих грёзах Алёна.

И всё же ей было приятно. Приятно спать на пуховой перине. Приятно, заперев предвзрительно засов, примерить украшения воеводских дочерей, их наряды, посмотретья на себя в зеркало. До этого своё отражение Алёна могла видеть только на водной глади. «Вот, поди, любо узнать, а красна ли я?» – задалась теперь она вопросом. Алёне сложно было судить о красоте. Она была девочкой, когда вышла замуж и тогда даже не знала, красива она или нет. Не задумывалась она об этом в монастыре, не задумывалась, когда, будучи строптивой атаманшей, вела людей на Дон и Волгу. Задумалась только сейчас, в светлой горнице терема в Яицком городке. Она никогда не видела, как барские девицы одевают наряды и украшения, как красуются в них перед зеркалом, но в этой комнате её одолевали какие-то скрытые желания, видимо, свойственные всякой молодой бабе. Она делала это невольно, и получала от своих действий удовольствие.

Алёна никогда не считала, сколько ей лет. Помнила, что замуж её выдавали тринадцати лет отроду. Она попыталась по прошедшим зимам и летам посчитать, сколько ей сейчас. Вышло двадцать два, если ничего не напутала.

«Вот аки знать, много ль енто аль мало?» – подумала Алёна, продолжая смотреть в ночное окно. Костёр дежурных казаков освещал двор. Деревянные дома и башни чернели на фоне тёмно-синего неба, украшенного россыпью звёзд. Месяц был совсем тонкий, и свету от него было мало. За острыми зубцами частокола двумя потоками журчали Яик и Чаган, не пожелавшие скрыться под толщей зимнего льда. А за ними необъятным полотном раскинулась зимняя степь.

Кое-где во дворе можно было видеть остовы новых стругов. Атаман развернул масштабное строительство сразу, как они встали на зимовку. Струги ломились от людей, лошадей, запасов провизии и оружия. Флот нужно было увеличить вдвое. Алёна в этом ничего не понимала. Но так говорили другие, кто ведал в этом. Говорили, что флот, который выйдет из Яицкого городка по весне станет самым крупным в истории казачества. Алёне не терпелось увидеть это. Не терпелось увидеть эти струги на море. У неё захватывало дух от хождений под парусами по Волге, от прохождения Астрахани, её белоснежных каменных стен, тогда Алёна впервые увидела каменную крепость, от диковинных деревьев, росших по берегам. Стволы их были бурыми, но вместо коры их облегал волосяной покров. И тянулись они на несколько саженей вверх без веток и листьев, только наверху у самой макушки, раскидывали листву, похожую на огромные лапы папоротника. Ещё Алёна видела диковинных зверей, которых вели в поводу купцы. Звери походили на лошадей или ослов, только были гораздо больше, мохнатей, и, что самое главное, имели на спине по два горба. Атаманша впервые повстречала людей с коричневой, почти чёрной, кожей. Это не было похоже на загар. А бывалые казаки, что ходили на турок, рассказывали, что на юге живут люди и вовсе с чёрной кожей.

Тогда Астрахань пропустила казаков без единого выстрела, и даже не присылала своих послов. Алёна видела, как переживал по этому поводу Разин. Он очень часто одевал свой боевой шлем и сидел некоторое время в молчании, будто ожидая, что шлем как-то поможет ему, подскажет совет. Атаман помнил Царицын, помнил, что воевода хотел обмануть его, не имея ладных пушек и сильного гарнизона, а лишь желал напугать его. Но даже по виду Астрахани можно было понять, что это город укреплён гораздо лучше, в не пример Царицыну и явно обладает более хорошим вооружением.

В какой-то момент Разин, словно получив команду от своего шлема, снял его и повёл струги вниз, неистово подгоняя казаков. И тут внезапно налетел сильный северный ветер, который подхватил паруса, и флот миновал город за считанные мгновения. «Неужто атаман аки-то почуял сиё? Почуял, шта поднимется резкий ветер и поможет стругам?» Алёну тогда удивил поступок Разина, но она также быстро об этом забыла. Потому что в этот же день она впервые увидела море. Море! Бескрайний простор и водную гладь до горизонта. Алёна вспоминала всю свою прошлую жизнь, и та уже более не казалась ей жизнью. Лишь серое заточение и рабство видела она позади. Сперва у матери, затем у мужа, потом в монастыре. А когда Алёна заколола злобную настоятельницу и, наконец, бежала, ей постепенно начала открываться настоящая воля. И настоящая жизнь. Алёна стояла на носу струга, широко расставив руки и отдавая своё тело ветру, нёсшего вместе с собой солёный привкус. «Видать, у истой воли солёный вкус!» – решила она, памятуя, что соль столь же дорога в цене, как и свобода.

Но в открытое море Разин флот не повёл. Как говорил сам атаман, больших штормов на Каспии не бывало никогда, но сейчас их перегруженные струги не были способны совершать стремительные набеги. Стоял разгар лета, а флот уже нуждался в серьёзной перестройке. Требовалась стоянка, а затем и зимовка, в месте, где достаточно леса для новых стругов, достаточно провизии, чтобы прокормить войско, ну и достаточно домов, чтобы разместить людей. Яицкий городок подходил как нельзя кстати.

Он стоял на месте, где Чаган впадал в Яик, окружённый с одной стороны степью, а с другой густыми перелесками. Сюда присылались стрельцы из Москвы для охраны торговых путей, но фактически поселение было независимо от Москвы и царской власти. Воевода здесь всегда выбирался от местных жителей, почти как атаман на круге. А прибывшие стрельцы, как правило, оседали до конца своей жизни, дети же их редко избирали военное дело. Ногаи, башкиры и прочие степняки никогда не нападали на Яицкий городок, зная крепость его стен и мощь пушек, стоящих на них.

Разин об этом тоже знал...

Серьёзный бой с момента выхода из-под Царицына разгорелся только один раз, у Чёрного Яра. Отряд стрельцов, посланный наперехват казакам из Астрахани, засел на реке Бузан, протоке Волги. Однако Разин, будто чувствуя это, отправил конный отряд в двести голов, чтобы ударить на стрельцов с тыла. Полусотня Алёны вместе полуторастами казаками задиристого Никифора Чертка обрушилась на мирно отдыхающих на берегу в ожидании стругов стрельцов. Да и боем это сложно было назвать. Побойще... Когда стрелецкий голова и несколько урядников пали, стрельцы сдались на милость победителей. А после были посвящены атаманом в вольные казаки.

Алёна снова поразила чутью атамана. Будто кто-то или *что-то* подсказало Разину это. И под *чем-то* Алёна подразумевала шлем...

Вот и перед походом к Яицкому городку заметила она, что атаману ведомо то, о чём другие и не догадываются.

– А шо мы путь туды держим, ежели он укреплён краше Царицына? – спросил Разина на одном из советов Сергей Щурый.

– И то, атаман, – поддержал Шелудяк, – Мож деревеньку аку облюбует для зимовки-то!

– Дурни! – перебил их Разин, – Ясаулы хреновы, неужто не смекаете разницы меж Царицыным и Яицким городом?

– Я смекаю! – отозвался Николай Бердыш.

– Ну, вот поведай прочим, Никола! – попросил Разин.

Ясаулы спокойно относились к Бердышу, но было видно, что в глубинах души они недолюбливают его. Алёна догадывалась почему. То, что он был бывшим царёвым урядником, мало кого заботило. Но Бердыш часто перечил ясаулам, указывая как нужно делать правильно. И из-

за своих советов он быстро сделался любимцем атамана. Ум его признавали, потому никто открыто не неллицеприятных слов не высказывали. Однако взгляды выдавали прочих ясаулов...

– Ежели мы возьмём Царицын али Астрахань, то вмиг царёвыми ослушниками сделаемся! – начал Бердыш, – А вот на Яицкий городок царёвой власти нетуть покудова...

– Не смекаю, – начал Харитонов, – Ежели мы царские суда пограбили, бояр казнили, мы уже ослушники!

– Ослушники, – продолжил Бердыш, – Токмо войско на ентих ослушников царь не пошлёт! Сами судите: ну, пограбили, слуг царёвых казнили... Ради сяго Алексей Михалыч войско от ляхов отзывать не будет. Молвит воеводам: сами решайте! А коль мы хоть един город возьмём, стрельцов тутова жо на нас спустят. А Яицкий городок, он сам по сябе, без царёвой власти. Енто жители егонные должны царю присягнуть, дабы помощи просить. А аки они присягнуть, коли город под нами будет?

Алёна слушала речи Николая на подобных советах и проникалась к нему непонятным чувством. Он не был похож на прочих. Следил за внешностью, всегда в чистом кафтане, пострижен, говорил чётко, ладно. Что до неприязни других, Алёна понимала, что они чем-то завидовали ему.

– Положим, що и сяк! – обратился Харитонов к Разину, – Токмо сдаётся мени, атаман, будто ведаешь ты що-то, що нам не ведомо... Будто иным тебе городок Яицкий влечёт...

– А то тебе не знамо, що атаман поболее прочих ведает? – усмехнулся Ус.

– Обожди, Василий! – заявил Харитонов более сурово, – Ты давай на чистоту, Степан Тимофеич, лишних ушей здесь нема. А ну, гутарь усё аки исть, мы жо ясаулы твои! Вот токмо без баек про шолом боевой, сии рассказы дитям малым оставь!

– Правда про шолом! – вмешался Фрол.

– А ты, Фрол, помалкивай совсем! – остудил его Шелудяк.

– С какого хрена помалкивай? Енто ты, Федот, не заговаривайся! Я тожо ясаул и голос на совете имею!

– Да якой с тебе ясаул! – усмехнулся Щурый.

– Ну, цыц! – Разин поднялся с места, – Всяк на сём совете ясаул. А вы, Федот с Григорием, языки закусите!

Атаман никогда не заступался за брата, когда тот был не прав. Это Алёна давно заметила. Но сейчас остудил ясаулов по делу, на совете все равны были и имели право на слово.

– Дозволь слово молвить, атаман! – не утерпела Алёна, – Порой гляжу на тябя и заправду вижу, аки ты шолом на сябя напялил и будто совету от него ждёшь... Моё дело может и кроткое, да на веку я мало чавой видела, вот токмо понятий не имею, есмь на свете колдовство аль нет...

Алёна ожидала, что прочие ясаулы посмеются над её суждениями, однако на совете повисла тишина. Оказалось, что шлем волновал не её одну.

– А ежели я гутарить буду, що есмь? – задумчиво произнёс Разин.

– Ты, Степан Тимофеич, мени и друже, и атаман, – продолжил Харитонов, – Що ты баешь, я то и принимаю. Вот токмо колдовством казака не приласкаешь! Казак в саблю да в пулю верует!

– А в атамана верует?

– Не в атамана, а атаману...

– Ну, дык и веруй мне!

– А шолом?..

– Ну, а коль я гутарить буду, що сила в нём?

– Ъть, опять за своё! – махнул рукой Харитонов.

– Вот що, браты! – Разин встал с места, повысив голос, но при этом оставался спокойным, – Хочь веруйте, хочь не веруйте, а сьяк усё и исть! А щоб познали вы силу енту, слово вам даю: возьмём Яицкий городок без крови, да исчо ни единого казачка не потеряем.

– Лады! Атаманово слово, оно аки булат ковано! – оживился Шелудяк.

– Лады, лады! – подхватили Черток и Щурый.

– Я аки и усё! – развёл руками Харитонов.

На этом совет был окончен. После него Алёна первая подошла к Бердышу и спросила:

– А ты чавой молчал?

– Енто аки молчал? – не понял Бердыш.

– Ну, кады атаман про шолом сказывал.

– Эх, – бывший урядник положил ей руку на плечо, – Да чавой вы усё-то! Сказы енто! – он усмехнулся.

– Таково атаман дурит усех? – не поняла Алёна.

– Дурит – не дурит, а атаману молва всяка разна нужна! Вот он таково слово и держит. Един поймёт сьяк, иной эдак! Атаман дело знает...

– Мы жо ясаулы...

– А уверуют ясаулы – дык уверуют и прочие.

– Ясно, – почти разочаровавшись, вздохнула Алёна, – Токмо усё жо гляжу за ним, и вижу, аки он и заправду от шолома совету ждёт...

– Ты, Алёна, и красна, и строптива, да многого не ведаешь пока, – Бердыш опять улыбнулся, – Усё чавой кажут старики да бабы, тому веры особой не давай! Нетуть чудес на свете!

«Глядишь, и заправду нетуть!» – решила потом Алёна. И в Яицком городке, на зимовке, когда наступила короткая передышка у неё было время обдумать всё, что случилось с ней за последний год. «Истое чудо – енто воля! Степи да просторы, широкая Волга и море, соленные ветра и солнце жаркое!» – понимала она. Вспоминала ты улыбку Николая Бердыша, его прикосновение. «Нетуть ужо, не походит он на прочих, ни на казаков, ни на беглых... Иной он! Особый!» Тут она вспомнила, что тогда он, первый и единственный назвал её красивой. Вспомнила будто случайно. Не думала об этом, когда перед зеркалом мерила наряды и украшения воеводских дочек. А подумала сейчас, когда глядела в ночь...

Яицкий городок покоился под покровом мрака, как и в ту ночь, когда Алёна вместе с Разиным и десятком лучших бойцов под видом калик перехожих пришла к его воротам. Это был новый дерзкий план атамана. Струги остались в нескольких верстах от стен крепости. Отряд из ста казаков спрятался в ближайшем лесу на другом берегу Чагана. Только Разин уже знал о бросе на мелководье совсем недалеко от городка. К концу сентября, после душного лета, даже могучий Яик опускался своими водами на добрый вершок вниз. А уж пересечь Чаган было делом совсем простым.

– Кто тамо колотить? – отозвался грозный голос со стен?

– Калики перехожие, мил человек! – ответил Разин с иной, не свойственной себе, почти жалостливой интонацией.

– До утра никого не велено пуцать! – отрезал часовой.

– Господь с тобой, пусти десяток богомольцев! – начала Алёна, – По сараям заночуем, да поутру прочь двинем! Аль сердца у вас каменные, аль злыдни вы, христиан убогих на осенней ночи в стыти да сырости оставлять!

– Да пуцай зайдуть! – раздался голос другого часового, – То ж ить полночи голосить будут...

Сперва дежурные на воротах открыли маленькое оконце и оглядели путников. Помимо Разина и Алёны, среди калик был Бердыш с пятью бывшими стрельцами, что прятали пищали под оборванными холщёвыми лохмотьями, Черток, Филька и ещё четыре казака. Засадой в лесу командовали Щурый и Ус. Харитонов по традиции остался на стругах.

Как только лицо стражника появилось в окошке, Филька заголосил на распев:

*Господи, помилуй нас грешных,
На тебе ономо уповают, рабы твоя,
Ой, рабы, твоя, калики перехожие!
Ой, калики перехожие, усё рабы твоя!*

– А ну, тихо! – гаркнул стражник, открывая створку ворот, – Кто старшой у вас будеть? Филька сделал голос чуть тише, но петь не прекратил:

*Не прогневайси на нас зело,
Не во гневе помяни беззаконий наших,
Беззаконий наших не во гневе помяни,
Но призри и ныне яко благо ты!*

– Старшой для нас токмо боженька всевышний на небесие! – выступил вперёд Разин, увлекая прочих за собой в город, – А речь со мной держати можешь. Отец Филарет я, с монастыря Ипатьева, кой в Верхневолжье стоит!

*И избави нас от враг наших,
Да от наших враг нас избавь ты,*

– продолжал Филька.

– Велю ж тябе! Рот заткни! – не унимался часовой.

– Ты, брате Афанасий, не гневи доброго человека, – обратился Разин к певцу, – Довольно ли, – повернулся он ко второму стражнику.

– Всяк грешен во гневе своём! – сказала Алёна первому подняв ввысь палец. Тот засмотрелся на него, отвлекая взгляд, а ряженая монахиня уже всадила ему в горло длинный острый нож. Часовой выронил секиру и схватился за горло, захлабываясь в собственной крови. Налетевший казак повалил его на землю и добил. Алёна обернулась, второй часовой уже валялся у ног Разина.

– Слухай мени! – обратился Бердыш к своим бойцам, – Вы двое к сей башне, вы – к сей! И ышо один со мной!

– Я! – вызвалась Алёна.

– Давай!

– Добро! – сказал атаман, – Ты... – обратился он к Фильке, не любившему драться, – ... гыть к броду и веди Уса с Чертком! Прочие со мной у ворот! Ну, пошли братья!

У Алёны бешено колотилось сердце. Она никогда раньше не волновалась так, ни в день побега из монастыря, ни во время встречи с Разиным. Тогда ей было всё равно. На душе у неё было ледяное спокойствие. Но сейчас, она пришла в Яицкий городок, хлебнув настоящей жизни, полной опасности, приключений и опьяняющей свободы. Сейчас её душа не была столь холодна. А самой Алёне было за что переживать, было, что терять. А ещё рядом был Бердыш...

Они крались вдоль стены и слышали шаги.

– Кто там? – раздался голос из тьмы.

– Да по делу... – негромко отозвалась Алёна.

– Гы! – из темноты вынырнул радостный стрелец, – Баба! Мож к мени по делу-то?

– Мож и к тябе! – улыбнулась Алёна, шагнула к стрелцу и опять хладнокровно всадила ему нож в горло. Бердыш повалил его на землю, убедился, что противник не дышит, снял с него пищаль.

Они подошли к сторожевой башне.

– Здесь стой! – наказал Бердыш, – Я – внутрь!

– А ты чавой указываешь? – спросила Алёна. Она была не против того, чтобы слушаться разумного Бердыша. Но заиграла гордыня, уступать не хотелось, она ведь тоже была ясаулом!

– А того! – огрызнулся Бердыш, – Шта, с двух пищалей в один раз выстрелишь?

– Не серчай! Усё, здесь стою... – его резкого ответа было вполне достаточно.

Алёна затаила дыхание. Сердце стало колотиться ещё сильнее. Она не могла понять, сколько прошло времени после того, как Бердыш вошёл в башню. «Дык, вроде токмо и вошёл, а вроде и вечность прошла...» Раздался выстрел, и Алёна вздрогнула, затем второй. В башне послышались отчаянные крики. Несколько выстрелов раздалось из соседних башен.

– Эй, ты чавой тамо?! – раздался голос и топот бегущих ног. Двое стрельцов спешили в сторону Алёны.

– Ты кто? – один приблизился к ней, но видимо чуть опешил, увидев монахиню.

– Смерть твоя! – Алёна выученным движением вонзила в плоть кровавую сталь. Стрелец отшатнулся.

– Ах ты, курва драная! – второй замахнулся секирой, но Алёна успела выхватить из-за пояса пистоль и выстрелить в него. Стрелец упал замертво.

Из башни в это время вылез Бердыш, тяжело дыша.

– Четверо... – процедил он.

– У меня двое, – показала Алёна.

– Дык, ышо у башни един, да един у ворот... Чатыре! Вровень идём, сестрица! – улыбнулся он.

«Сестрица...» – почему-то до ужаса не понравилось Алёне. Из уст Разина, ей было приятно слышать такое обращение, а вот Бердыш... Она бы хотела, чтоб он звал её по имени.

А в ворота уже с бешеным рёвом вбегали казаки, ведомые Чертком и Усом. Они быстро окружали дома, наводя пищали на двери и окна.

С Разиным Алёна и Бердыш встретились у терема воеводы. Он принимал сдачу гарнизона и вершил свой суд. Толстый престарелый воевода в одной исподней рубашке не мог сдержать слёз и умолял атамана пощадить его.

– Да пошта же? Да на кой? Да чаво ж я грешный содеял-то?

Жена его держалась более достойно, осыпая казаков проклятьями.

– У, чернь смердячая! У, нехристи! Всем воздастси! Будьте прокляты!

Но и воеводу, и его жену уже тащили на виселицу. Стрельцам Разин сделал похожее предложение, как и после разграбления стругов на Волге. Только выбора было лишь два: служить ему или принять смерть.

– Не можно отпущать их! – прошептал Алёне Бердыш, – Нам жо зимовать здесь, а ежели кто сдаст нас, да вдруг нагрнуть царёвы слуги до холодов...

Алёна промолчала. Она помнила, что казаки пошли на Яицкий городок именно потому, что он не принадлежал царю, и карательных отрядов здесь можно было не ждать. Ей хватало ума понимать, что атаман осторожничает, не выпуская никого из города. Но излишняя жестокость тоже корбила её.

Стрелецкие командиры, сотники и урядники, – все были казнены. По выражению лица Разина, Алёна понимала, что он ждёт того, что кто-то из рядовых стрельцов заступится за них, как некогда заступились за Бердыша. Но никто ничего не сказал в защиту. Тела двадцати стрелецких командиров вскоре болтались в петлях рядом с телом воеводы и его жены.

Наступило время решить, что делать с тремя дочками воеводы. Разин велел отдать их на потеху казакам, которые первыми ворвались в городок. Алёна не выдержала.

– Не дело сиё, атаман! – вмешалась она, – Почём их вина-то? То дивчины ышо! Не виновны оне, пошта воеводскими дочерьми народились!

Разин колебался, видимо, понимая неправоту:

– И що ж ты, Алёна, предложишь? На волю отпущать я их не стану!

– Я церкву тутова видела, пушай тамо по хозяйству подмогают! А аки мы уйдём отсель, сами пушай решают чавой делать!

– Эх, сердце доброе... Да правда твоя! Их вины нема, що оне дщери воеводовы! Быть по-твоему.

Алёна вздохнула с облегчением, чувствуя, что сделала хорошее дело.

– Чавой ты? – спросил Бердыш, – Никак, жалко?

– Жалко... – сухо ответила Алёна.

– А стрельцов, коих резала днесь, не жаль?

– То стрельцы, а то дивчины! – пояснила Алёна, – Не чуешь разницы?

– Нетуть разницы... – ответил Бердыш.

– Аки енто нетуть?

– А вот и нетуть! У ентих нет вины, и у тех нетуть вины! Токмо одне с хером народились, иныи нет! Аки один царевичем нарождается, а иной холопом!

Алёна промолчала. Вспомнила проповеди. Только Бердыш словно зашёл с другой стороны, словно эти проповеди перевернул.

– Смекаешь, шта дело доброе содеяла? – не унимался он, – Вот токмо на казаков глянь! Сама ведаешь, охочи оне до женской плоти! Такмо потешились бы тремя дивчинами и добро! А таперича аки оголодают, будуть усех подряд щупать! Не едину хрестьянку попортят! Вот узришь! – Бердыш развернулся и зашагал прочь от Алёны.

«Чавой-то с ним?» – не поняла она, – «Никак обиду содеяла ему!»

На дневном совете с ясаулами Разин пребывал в самом лучшем настроении и постоянно улыбался.

– Ну що, ясаулы, гутарить будете? Исть ли потери средь казачков?

– У Никитки-вола нога прострелена, да, видать, жив будеть! Слышал исчо един казак руку потерял... А сьяк, поди, ни одного не слегло! – отчитался Ус.

– Вот и ладно! Ну, таперича веруете мени? И в силу шолома веруете? А, Михайло?

– Веруем, веруем... – негромко пробубнил Харитонов. Но по нему было видно, что и в колдовство и шлем атамана он не поверил до сих пор.

Сейчас Алёна, стоя у ночного окна, вспоминала всё это. Вспоминала тот день. Вчера она стояла на очередном атамановом суде. Он казнил двух казаков за то, что те снасильничали крестьянскую девку. Казакам привязали в ноги по каменному грузилу и бросили их в зимний прорубь. На советах Разин постоянно говорил, что его войску необходимо чувствовать поддержку простого люда. Ясаулы были с этим согласны, потому старались держать казаков в узде.

Теперь Алёна стала осознавать горькие слова Бердыша, что лучше бы она не вмешивалась в суд атамана в день штурма. Он отдал бы воеводских дочек казакам, и, возможно, те бы после вели себя спокойней... А в итоге тех дочек казаки всё равно взяли силой. На третий день стояния в Яицком городке после беспробудного пьянства больше двадцати казаков выломали двери церкви, связали священника и пользовались воеводскими дочерьми, пока это не увидел ясаул Шелудяк и не разогнал их.

Младшая воеводская дочь умерла сразу от истязаний, доставленных ей. Средняя утопилась на второй день. Старшая до сих пор помогала в церкви, но на людях вообще не показывалась. После этого Разин объявил свои жёсткие порядки. Казаков, насилувавших воеводских дочерей, прилюдно высекли розгами, но впредь насилие мирных жителей стало караться смертью. Пьянство тоже запрещалось. Хотя казаки тайком и продолжали наведываться в Яицкие погреба. Люди Алёны тоже стали распоясываться и вести себя куда более дерзко.

«А взаправду, пошта я стрельцов тех резала? Ведь, мож, и ладные мужики были, добрые. Мож у коих жинки были, дити... Мож, добро в семье бывало... Не аки у мени, а лад да покой...»

Иногда ей хотелось бросить всё, бросить казаков и уйти. Но куда, она не знала. И чаще всего приходила к мысли, что выбора у неё только два: либо возвращаться к холопской жизни, где её саму будут унижать и помыкать ей, как раньше, либо оставаться на воле, наблюдать эти бескрайние степи и морские просторы, но порой убивать людей, пусть и не всегда виноватых. Как не было совестливо Алёне, она выбирала второе. То, что она никогда боле не вернётся к рабской жизни, Алёна решила давно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.